

Захар Левин

Это всё,

что я знаю.

Захар Сергеевич Левин

Это всё, что я знаю...

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69009235

SelfPub; 2023

Аннотация

Это драматичная повесть с элементами детектива. Сюжет повествует о жизни двух семей. Семьи таксиста и семьи главного прокурора. В то время, когда таксист случайно попадает под статью причинение смерти по неосторожности, в роли обвинителя выступает второй главный герой. Прокурор, почувствовав власть, начал вести развязный образ жизни, где имели место быть алкоголь и любовницы. В конце концов кривая дорожка привела его к потере должности. Параллельно главной сюжетной линии повести ведется рассказ о несовершеннолетних детях этих двух мужчин. Сын таксиста и дочь прокурора. Они состояли в любовных отношениях. Любовь дочери к отцу встала под удар на фоне судебного процесса. Во второй части к сюжету добавляется следователь, который начинает "копать" под прокурора по причине коварных подстав со стороны супруги чиновника.

Содержание

Часть первая	4
Глава 1. Закройте глаза и представляйте	4
Глава 2. Они бы стали птицами ради полета над Парижем	22
Глава 3. Время начало бежать, время обман	34
Глава 4. Виновен не тот, кто грешит, а тот, кто создает мрак	48
Глава 5. Взор праведных не смущает невинных	62
Глава 6. Из которой вы ни о чем не узнаете	80
Глава 7. Смерть – это переход к вечному свету	84
Глава 8. В живых остались только мертвые	95
Часть вторая	104
Глава 1. Город S глазами кота	104
Глава 2. Кровь на перроне	108
Глава 3. Не ходи за мной я сам заблудился	117
Глава 4. Даже у дьявола есть адвокат	138
Глава 5. Если симфония становится громче, значит пьеса на финальной стадии	149

Захар Левин

Это всё, что я знаю...

Часть первая

Глава 1. Закройте глаза и представляйте

Как мятежный разум, находящийся в вечном поиске покоя и пищи, мечется по бескрайним просторам человеческой души, так и мое сердце трепещет в границах грудной клетки при вспоминании тех событий. Но ум человека живет отдельно от его сердца, вследствие чего я, трясущимися руками, подобно начинающему пианисту, грубо и небрежно нажимаю каждую клавишу клавиатуры. Секунду, только вот очки надены и продолжим, черт бы их побрал, куда я снова их засунул? Ах, вот же они. С того дня, когда я начал благодарить жизнь, я почувствовал, что мой разум старше моего тела и мне открылись новые границы. Я стал замечать вещи в жизни, о которых прежде даже и не думал. Я сижу у окна, одного из дешёвых кафе города S, и наблюдаю через широкое стекло за происходящим на улице. Время ранее, будний пас-

мурный день. Люди встречали свою 2012-ую осень от рождества христово. По их лицам нельзя было отследить праздничной радости, скорее они были как отражение серого неба над их головами. Примечательно как искрится провод линии электропередачи в одном и том же месте над трамвайными путями в тот момент, когда пантограф касается износившейся части провода. Вот-вот произойдет неприятное обстоятельство в виде небольшого пожара. Когда ум отказывается от работы и воображение, взяв верх, ищет впечатлений на стороне, мы предаемся бессмысленным наблюдениям окружающего. События моего рассказа берут свое начало осенью прошлого года. Это простая случайность, совпадение, которое не несет ничего магического. В сентябре, 2011-ого года, в зале областного суда происходил неравный поединок прокурора и адвоката. За которым пристально наблюдала судья. Женщина, с безэмоциональным лицом, хладнокровно выслушивала все доводы защиты и все нападения стороны обвинения. Как вы уже поняли, что речь пойдёт о современном судопроизводстве. Тема весьма актуальная и сложная, и я надеюсь, что читатель, как и я не боится трудностей.

– То есть, вы утверждаете, что в день убийства, двадцать девятого июля, вы находились на дежурстве, на своем рабочем месте, сутки на тридцатое число? – Заложив руки за спину, и медленным шагом, проходя мимо обвиняемого, начал свою речь прокурор.

– Протестую, Ваша Честь, – подпрыгнул адвокат, придер-

живая свой расстегнутый пиджак, – двадцать девятое число это день, когда было обнаружено тело, потерпевший мог быть убит днём ранее. – Возражал адвокат.

– Протест принят. – Бездушно процедила судья, а прокурор таким же неспешным шагом вернулся к своему столу.

– Вот заключение о вскрытии, Ваша Честь. – Поднял папку прокурор.

– Передайте суду через судебного пристава.

Человек в форме, стоявший на входе, поторопился передать папку судье.

– Продолжайте!

– Вопрос остается открытым. – Прервав свою прогулку по залу суда напротив обвиняемого, продолжил прокурор.

– Да, всё верно, я был на сутках. – Отвечал обвиняемый.

– Скажите, с неким Валерием Лесовских, вы были знакомы ранее, до того как он, в июне этого года, устроился в вашу фирму вам же в напарники? – Продолжал свою прогулку прокурор.

– Протестую, Ваша Честь, – уже не вставая, начал адвокат, – какое отношение это имеет к делу?

– Протест отклонен! – Резко кинула фразу судья, смотря искоса, – продолжайте.

Прокурор, стоя спиной к суду присяжных, расстегнул верхнюю пуговицу и застегнул среднюю, не спуская взгляда с обвиняемого.

– Нет, я с таким не был знаком ранее. – Уверенно отвечал

обвиняемый.

– Как же так? Он является мужем вашей двоюродной сестры. – С подозрением в лице и в голосе напирал прокурор.

– Я не поддерживаю никаких отношений с такими дальними родственниками. – Начал свой протест подсудимый.

– Но это не отменяет тот факт, что эти отношения могли завязаться после его устройства и стать крепкой почвой для сотрудничества.

– Протестую, Ваша Честь, – опять поднялся адвокат, широко расставив руки и упираясь на стол, – сторона обвинения оказывает давление на моего клиента.

– К чему вы клоните, Роман Захарович? – Вся во внимании спрашивала судья.

– А вот к тому: я просмотрел записи с камер вашей фирмы, и установил факт передачи вашего личного бейджа, при проведении которого на входе начинается табель учета рабочего времени. На записи отчетливо видно, что Валерий Лесовских, он же муж двоюродной сестры подсудимого, перед началом смены проводит бейдж подсудимого. Таким образом, обвиняемый создал себе лживое алиби, – Роман Захарович повернулся к суду присяжных и заложил руки за спину, – видеозапись, записанная на диск, лежит у меня в портфеле. Долго изучая все бумаги фирмы, проведя беседы со всеми её сотрудниками, я заключил, что её ныне покойный директор, Добронравов Александр Анатольевич, был недобросовестным руководителем. Систематические задержки зарплат, от-

пусковых выплат и прочие, я согласен, весьма неблагоприятные условия труда, давным-давно стали причиной текучки кадров. Но подсудимый, вместо поиска более надежного работодателя, посчитал нужным искоренить проблему иным способом – застрелить директора. Я уповаю на вашу гражданскую сознательность...

– Ваша Честь, – ворвался адвокат, – я протестую, сторона обвинения теперь давит на суд присяжных!

– Протест отклонен, – кинула в сторону адвоката судья, – у обвинения еще есть, что сказать суду? – Обратилась она в сторону прокурора.

– Пожалуй, на этом всё, Ваша Честь. – Ответил Роман Захарович.

После чего железный голос судьи произнес "Суд удаляется для вынесения решения", жирную точку в этой фразе поставил судейский молоток, и в зале началась шумиха.

Последующие тридцать минут перерыва для адвоката и подсудимого длились вечность, во время которого, между ними состоялся короткий диалог.

– Прежде, чем взять ваше дело, я вас предупреждал, что оно ясно как белый день и избежать наказания практически невозможно, но смягчить приговор вполне реально. – Шептал адвокат, слегка наклонившись к уху своего клиента.

– Григорий Александрович, вы сделали всё, что смогли, моя дальнейшая судьба мне и так ясна. – Унылым голосом отвечал клиент.

Вот уже собрался весь суд присяжных. В первом ряду сидела бабушка лет шестидесяти пяти, подвижная низкорослая старушка, широко раскрытыми глазами, через очки следила за всем происходящим, ловила каждое слово всех участников заседания, казалось, самого подсудимого весь процесс так не волновал как её. Далее сидел огромный мужчина с недовольным лицом и жирными волосами. Его руки все время были заложены на груди, а из под хмурых бровей бегал взгляд от адвоката к прокурору, как будто что-то подозревая. По его виду можно было заключить, что он весьма недоволен присутствием здесь, но, тем не менее, каким-то образом оказался в числе присяжных. Далее сидел мелкий мужичок среднего возраста, в простеньком поношенном брючном костюме и ловко скрывал свой телефон под партой, очевидно происходящее там его больше заботило, нежели суд над каким-то там человеком. Правее от него сидели еще четыре особы, ничем не выделяющиеся две женщины и двое мужчин, свою обязанность как присяжного выполняли ответственно.

– Всем встать, суд идет! – Скомандовал пристав и судья, она была невысокого роста с короткими светлыми волосами, прошагала мимо за судейский стол.

Все сели на свои места за исключением судьи, она же в свою очередь раскрыла папку и произнесла:

– Я прошу подсудимого встать для оглашения приговора. Подсудимый не торопясь поднялся и заложил руки за спи-

ну.

Далее судья, своим нечеловеческим тоном, разрезая воздух в зале, протороторила настолько быстро, что вряд ли кто-то, как и я, смог уловить все слова.

"Именем Российской Федерации выносятся приговор по делу об убийстве директора фирмы «ООО С***ус», Добронравного Александра Анатольевича, от пятого августа 2011-ого года, предусмотренного статьёй сто пять часть первая УК РФ. Суд присяжных постановил: признать подсудимого Станиславкого Георгия Абрамовича первого февраля 1993-го года рождения виновным в совершении преступления предусмотренного статьёй сто пять часть первая пункт третий в отношении директора фирмы, сотрудником которой он является, Добронравного Александра Анатольевича. В связи с чем, областной суд города S в лице мирового судьи Самойловой Нины Георгиевны, вынес приговор. Станиславский Георгий Абрамович, первого февраля 1993-го года рождения приговаривается к семи годам лишения свободы в колонии строгого режима, без возможности условно дословного освобождения. Данный приговор приводиться в исполнения со дня оглашения и обжалованию не подлежит".

Григорий Александрович резко поднялся уперевшись взглядом на судью, а его клиент погрузился в безвыходное молчание.

– Очередная попытка не увенчалась успехом? – С усмешкой обронил Роман Захарович возле своего соперника и ши-

рокими шагами направился к выходу из зала.

Адвокат оставил эту глупую насмешку без ответа. Здесь уместно будет пояснить одно обстоятельство, которое никак нельзя обойти молчанием. Роман Захарович и Григорий Александрович заклятые враги. Уже столько лет судебной практики идут, можно сказать фоном, на их поединке. К сожалению или счастью, победа адвоката так и не пришла. Все лавры были у прокурора. Роман Захарович принадлежал к разновидности людей, которые победоносно, нагло и бескомпромиссно шагают по головам людей на своем жизненном пути.

В зале начиналась суматоха, присяжные собирали свои вещи, судья удалилась через отдельный судейский выход из зала, приставы оставались неподвижны. На выходе из зала к Роману Захаровичу подошел молодой мужчина с красиво зачесанными назад волосами.

– Ну что? Очередной несчастный отправиться за решетку с твоей легкой руки? – Широко улыбаясь белыми зубами, протянул руку мужчина.

– Дело очевидное. – Самодовольно отвечал Роман Захарович.

– Вот документы по делу номер восемьсот семьдесят семь. – Протянул папку юноша в руки адвокату.

– Кто тебе доверил доставку столь важной корреспонденции? – Спросил Роман Захарович.

– Да пошел ты! – Усмехаясь, отвечал юноша, и мужчины

закатались смехом.

– Что же послужило поводом для такого шума? – Добавился в их разговор третьим какой-то низкорослый мужичок в очках, – сегодня играет «Манчестер», предлагаю посетить наше заведение. – Продолжал тот.

– Снова хочешь напиться до чертиков? Хотя о чем это я, ты всегда это делаешь. – Не меняя улыбочивого выражения, произнес юноша.

– Да, господа, напьемся же сегодня до чертиков, время уже шесть часов. – Произнес Роман, замахнув рукой к лицу и взглянул на наручные часы с дорогим кожаным ремешком.

– Сейчас я мигом в кабинет и можем выходить. – Сказал юноша и заторопился по коридору.

Двое оставшихся вышли на крыльцо.

Юноша был ни кто иной, как дальний родственник Роман Захаровича, а если быть точным это муж его сестры. Звали его Максим, довольно славный малый двадцати семи лет. Успешно строил карьеру, находясь, уже не помню в какой должности, но далеко не самой низкой. Второй, Павел Сергеевич, секретарь, был более интересный тип. Возраст его достигал уже сорока пяти лет, вид всегда имел очень опрятный, причесан, прилизан, казалось, что шикарные дорогие костюмы он носил даже дома. Пил безбожно, но к работе относился ответственно, и никогда в его жизни одно другому не мешало. По субъективному мнению общества был составлен не менее субъективный образ аристократичного ал-

коголика. Знал все законы и подпункты назубок, наверное, даже лучше чем, сами судьи, и по вкусу пива мог определить его сорт и завод изготовителя. Наизусть знал карту города с расположением всех питейных заведений и в каждом упивался до поросячьего визга, а утром, как ни в чем не бывало, чудесным образом, как с иголки одетый торопился на работу. Всегда держал прямую осанку, прямая осанка делает сознание чистым, возможно это и был его секрет.

– Ну, где его носит? – Начал Павел Сергеевич свои аристократические возмущения.

– Господа! – Появился из неоткуда Максим и направился к широкой лестнице на входе в здание суда.

Мужичины, поднимая ворота своих роскошных пиджаков, заторопились к стоявшему у лестницы такси.

– Грузимся! – Весело скомандовал самый молодой из них, и такси неспешно выкатилось в плотный трафик города S.

Всегда любил этот город осенью. Он по истине прекрасен. Город S тогда только начинал диктовать моду. То, что в нем принималось за роскошь, тут же начинало приниматься и в других городах, но на утро город S мог одуматься и сказать себе "Что за берд я выдумал?", как тут же у всей страны менялся вкус, и вчерашняя роскошь была уже чем-то более низкопробным.

– На кого ставишь? – Интересовался Павел Сергеевич у Романа.

– Думаю, «Реал» выйдет с победой, «Манчестер» в этом

сезоне совсем сдулся. – Отвечал Роман Захарович

– А у тебя, пацан, даже спрашивать не буду, иди, играй в свой баскетбол с неграми. – Завершая свое высказывание громким смехом, произнес Павел Сергеевич.

– Футбол игра не зрелищная, плюс симулянтов там слишком много, посмотрите сезон хоккея, вот там спортсмены, а тут... – Резюмировал Максим, разводя руками.

– Нельзя недооценивать «Манчестер», в позапрошлом сезоне он, прям, разгромил «Милан» в финале, может и сегодня возьмет победу. – Вмешался доселе молчавший водитель.

– Вот, сынок, видишь, люди разбираются в хорошей игре. – Шуточно проучил Павел Сергеевич.

– Да мне плевать, я просто хочу отдохнуть, за этим и еду туда, тяжелая неделька выдалась.

– Да, это вот точно, отдохнем ребят по полной, еще можем Вербицкому позвонить. – Шаря по карманам, говорил Роман Захарович.

И тут же двое его собутыльников расплескались в отрицательных упреках.

– Нет-нет, зачем, он ужасный брюзга, все настроение испортит! – Залепетал Максим.

– Роман Захарович, уважаемый, уберите телефон. – Почтительно попросил Павел Сергеевич и снял очки для протирки стекол.

– Это место? – Спросил таксист.

– Да, пожалуйста, поближе к входу, устал так, что и шага лишнего не сделаю, а домой меня понесут эти товарищи, – игриво шутил Роман, – возьмите, сдачи не нужно.

Компания поспешила к входу совершенно простого, дешевого заведения.

– Сегодня что-то тихо тут. – Заметил Максим.

– Подожди, малец, до трансляции сорок минут. Сейчас набегут. И давай без выходов как ты тогда. – Проворчал Павел Сергеевич.

Мужчины заняли стол посередине помещения, круглый и высокий, с пятнами засохшего пива. Освободив руки от портфелей, подошли к бару. Павел Сергеевич с Романом попросили чешского самого свежего, а Максим пожелал мягкого эля.

– Ну что, рассказывай, как ты опять разгромил этого тупицу сегодня? – Обращался Павел к Роману Захаровичу, когда они уже вернулись за стол с полными бокалами.

– А это когда-то стоило трудов? – С ухмылкой ответил Роман.

– Помните, господа, как этот, прости меня господи, брюзга Вербицкий на прошлой неделе разгромил всю защиту? Дак вот, я вам скажу враки это все, не состоял бы он в некоторых, опустим детали, отношениях с дочерью судьи, ничего б такого и не было. – В полголоса повествовал Павел Сергеевич.

– Да ладно, не может быть, – возразил Максим, – Вербиц-

кий и с этим семейством? – Раскрыв глаза на Романа Захаровича, продолжал удивляться Максим, на что ему утвердительно кивнул Роман, залпом выпивающий пиво.

– Вот так вот, сынок, у нас в стране, не забывай, как сам попал на эту работу. – Резко закатившись смехом, произнес Павел Сергеевич.

– Я ничем ему не помогал. – Ответил Роман.

– Да это уже не важно, – парировал Павел, – давайте за «Реал»! – И протянул кружку в центр стола.

– За «Манчестер»! – ответил Роман Захарович, на что Павел отреагировал утвердительным отказом чокаться кружками, и со словами "За этих я пить не буду" залпом отпил пол кружки.

У Максима зазвонил телефон.

– Ой, ну прекрати, убери этот поганый телефон. – Начал Павел Сергеевич.

– Да я быстро, только отвечу. – Заторопился Максим.

– Знаю я, быстренько побежишь опять. – Ворчал Павел Сергеевич.

За соседним столом, среди довольно крупной компании распивающих, начался дерзкий скандал, предметом которого был предстоящий матч. Стол собутельников поделился на два лагеря, за «Реал» и за «Манчестер». Однако доводов стороны «Реала» было недостаточно и сторона «Манчестера» предложила продолжить дискуссию уже под сигаретный дым на улице.

– Вот придурки. – Обронил Павел.

– Да брось, еще две кружки и ты сам за тот стол полезешь, – смеясь, говорил Роман Захарович, – а это что за особа? – Заприметил он девушку за стойкой бара.

– А я не знаю, на той неделе её не было, видать недавно устроилась. – Оба уткнулись взглядом в новую официантку.

Девушка действительно оделась на работу вызывающе, хотя в таких заведениях это было нормой. Юбка была очень коротка, а вырез декольте наводил на пошлые мысли. Светлые волосы её лоснились на свету тусклых ламп стойки бара, что очень забавляло наблюдателей.

– Чего уставились то? – Спросил Максим, вернувшись за стол, – вы же вроде как женаты оба.

– Да помолчи ты, малец, – отрезал Павел и отхлебнул пива, – остаешься или уходишь?

– Остаюсь. – Ответил Максим, и все трое повернулись к телевизору, начиналась трансляция.

– Заказывать что-нибудь будете? – лаская слух всем троим, прозвенел голосок за спинами мужчин.

Новая сотрудница стояла у их стола с подносом в руке.

– Да, золотце, два чешского самого свежего, будь так добра! – Залепетал неловко Павел Сергеевич, у него аж очки покосились на бок.

– И мне, пожалуйста, мягкий эль. – Попросил Максим

– Паспорт предъяви, мягкий эль ему, видите ли. – Воткнул Павел.

Девушка кивнула головой и удалилась. Пока троица изучала игровой состав, компания, выходявшая на перекур, вернулась обратно уже в обнимку, видимо референдум прошёл успешно и вопрос о победе снят. Роман Захарович так и не спускал глаз с официантки, и пока «Манчестер» бился с «Реалом», он то и дело оценивал голые ноги при помощи мимики. А соседний стол, комментируя матч, прибегнул к непристойному набору слов для усиления эмоциональной окраски речи, чем начал все больше получать внимания от Павла Сергеевича. Просмотр трансляции проходил то шумно, то тихо, на опасных игровых моментах болельщики подсакивали и изобиловали междометиями и ругательствами в своей речи. Несмотря на явное количественное превосходство второго стола, первый был лидером по объёму выпитого благодаря Павлу Сергеевичу. Ближе к концу второго тайма счет оставался закрытым, и большинству было ясно как белый день, что исход матча – ничья. Теперь второй стол опять поделился на два лагеря, причиной тому было несогласие одного с другим касательно итога встречи «Реала» и «Манчестера». Чья будет победа было уже не важно, спор разгорелся из доводов будет ли гол или же счет останется закрытым. Роман Захарович подошёл к стойке, где суежилась интересующая его особа.

– Вам еще чешского? – Улыбаясь, спросила она.

– Да, пожалуйста, – ответил Роман, – а я раньше тебя здесь не видел. – Продолжал он.

– А мы уже с вами на «ты» перешли? – Кокетливо отвечала официантка.

– Роман. – Резко ответил адвокат.

– Лилия. – Ответила девушка.

– Какое прекрасное имя, – продолжал Роман, на что девушка улыбнулась, – так зачем ты здесь, Лилия? – Следовал вопрос.

– Так, подрабатывать иногда можно. – Отвечала официантка.

– Подрабатывать? А чем же ты занимаешься помимо этого?

– Я балерина. – Немного конфузясь, отвечала Лилия.

– Что ж ты так стесняешься, это же прекрасно, балет это замечательно.

– Да? И когда ты последний раз там был? – Спрашивала Лилия, – да брось, можешь не вспоминать, и так вижу, что ни разу.

– А может, с этого дня начну стабильно ходить? – С улыбкой ответил Роман Захарович, – когда ты выступаешь?

– Завтра, в субботу. – Отвечала Лилия, протягивая стакан Роману.

В ту секунду за его спиной началась потасовка, Павел Сергеевич не выдержал присутствия второго стола и бросился в его сторону.

– Извини, мне пора. – Ретировался Роман и поторопился оттащить уже в хлам пьяного Павла из толпы.

– Так, ребят, давайте без последствий, это наш товарищ, мы тихо, мирно уйдем и на этом всё. – Повышая тон, спасал Павла Максим.

Роман Захарович резко подхватил под руку разбунтовавшегося, указал Максиму забрать их портфели и поторопился на выход.

– Думал хоть вечер посидим спокойно. Черта лысого! – Ругался Роман.

– Черт лысый остался там за тем столом. – Проямлил Павел Сергеевич, очки его запотели.

– Я увезу его домой, сейчас только такси вызову. – Позаботился Максим.

Мужчины прождали на улице своего такси, но Роман не собирался домой.

– Езжайте, в понедельник увидимся. – Прощался рукопожатием с Максимом и, глядя на Павла, махнул рукой.

Тот еле передвигая ноги, пытался попасть в салон автомобиля.

Автомобиль тронулся, а с заднего сиденья вылетело: "Манчестер кривоногие!", затем последовал громкий смех. Роман Захарович улыбнулся и пошел обратно в заведение. Второй стол уже и вовсе забыл о нападении на них и о спорах внутри своей компании. Обсуждались все острые моменты. В футболистов, слышали бы они и понимали русскую речь, летел шквал осуждения за некрасивую игру. Каждый из распивающих мог бы на тот момент отыграть лучше, чем ка-

кой-то там испанец.

– До скольких у тебя смена? – Спросил Роман Захарович у Лилии.

– Уже собираюсь домой. – Ответила та.

– Проводить тебя?

– Ну, попробуй. – Усмехнулась балерина и удалилась в подсобное помещение.

Спустя десять минут они вдвоем вышли из заведения и, выдыхая пар, пошли по ночному городу. Как быстро тогда стемнелось. Ах да, совсем забыл, наступала осень. Световой день шел на убыль. Парочка удалялась по проспекту, погружаясь в темноту. Какие секреты она прячет? Темнота города S никогда и никому о них не расскажет, как и Роман Захарович. Который нервно теребил обручальное кольцо в кармане своих брюк, он снял его, будучи еще в распивочной.

Глава 2. Они бы стали птицами ради полета над Парижем

Сегодня я снова в том же кафе. Погода нормализуется. Трамвайная линия электропередачи искрится уже как фейерверк. Куда смотрят ответственные за это люди? В общем, не важно, продолжим. Погрузимся в молодость. Вспомните школьные годы. Чувствуете это прекрасное ощущение? Но-стальгия. Какое счастье тогда могла принести фраза о болезни учителя? И вы веселой толпой бежали гулять или домой. Некая хамская наивность. Человек заболел, а вам только в радость. Тогда вообще для счастья нужно было мало, а т. е. совершенно ничего. Мы и так были счастливы. Ах, от чего же с возрастом человек увядает. Почему он обрастает психологическими проблемами, седеет, здоровье физическое ни к черту и вот уже меньше заметна улыбка на лицах. Все больше сетования на кучу проблем, времени в сутках не хватает на отдых. Кем бы вы ни были, читатель, позвольте молодости жить. Повзрослеть всегда успеете. Взросление вообще такое размытое понятие, что его не существует. Сделав эту оговорку, продолжаем. Тишина в коридорах 120-ой школы уже давно стала привычной. Если многие десятки лет здесь царил ребяческий смех и беготня, то это все давно сменилось на общение в соцсетях. Все сгорбленные что-то нажимали в телефонах на ходу и стоя. Иногда слышны были какие-то

обсуждения об увиденном или прочитанном на просторах глобальной сети. Темы нынешней молодежи очень расстраивают мой слух. Чрезмерная опoшлённость их смутила б, пожалуй, даже бывалого невежу. Нравственного разврата, думаю, тут еще нет, но есть цинизм. Не внутренний, наружный. Он та и считался у этих молодых людей некой деликатностью. Среди всего этого, произнесем сразу эту страшную фразу, царства деградации, белым светом озаряли все вокруг юные парень и девушка. На удивление только их глазам образ друг друга был куда интереснее, чем экран смартфона. Юноша был во всем светлом, волосы крашенные светлые уложенные на бок. Она, без видимой откровенности как у сверстниц, выглядела по девчачьи простенько. Юбочка и кардиган насыщенного коричневого цвета. Сидели на подоконнике и смотрели то в окно, то друг на друга. В нем было много ошибок, но она не хотела вносить поправки. Это он переплавил пули в струны и пел ей до утра на берегу реки все самые романтические песни. Они смогли бы уместить весь мир в своих сердцах, не будь он таким паршивым. Обычно мы хотим вызвать у партнера те чувства, которые испытываем сами, в случае с этими двумя молодыми людьми все иначе. Она всю сильную половину общества помножала на ноль, а он в свою очередь просто не нуждался в ком-то больше. Правильно ли это или нет, мы судить не в праве. Да и судить еще совсем рано. Если все же это была глупость, то они твердо знали, что если не совершать глупости, то нико-

гда не станешь умным человеком.

– Чего расскажешь? – Смотря в окно, спрашивал он.

– Чего тут рассказывать, у отца очередное выигранное дело, которым он бесконечно кичится, до мамы ему дела нет. Живем как соседи. – Тихо отвечала она, любуясь двором школы.

– У тебя то еще весело, – с ухмылкой отвечал юноша, – у моего опять попался какой-то очень вредный пассажир и все утро мы об этом слушали. Хотя мать мою он любит, да и она его.

– К черту, – отрезала она, – пойдем, пройдемся сегодня после школы? – Немного уставшим и слегка отчаянным тоном спрашивала девушка.

На вопрос юноша, молча, кивнул. Прогулка ради прогулки удел философа. Во время таких прогулок были не редкостью размышления и дискуссии. Парочка бродила по всему городу, обсуждения шли как политические, так и философские. Под строгую критику попадали все: политики, общество, поделенное на классы, родители, сверстники; во всех них находились какие либо изъяны. Оно и верно – все больны. Но не торопитесь их судить, это был не максимализм и не тотальная ненависть ко всему вокруг, просто если люди не грязь то они пыль. Пока у молодых людей еще идут уроки, я познакомлю вас с ними поближе, чего бы я иначе, не полагая этого необходимым, никак не сделал. Она как раз и была дочерью Романа Захаровича, как ты мой чуткий и вниматель-

ный читатель мог догадаться. Роман Захарович семнадцать лет назад дал ей имя София. Соня. Сонечка. Она одна из первых начала чувствовать потерю отца и разруху семейного очага, доселе такого сплоченного и теплого. Она была единственным ребенком в семье. Ее появление на свет принесло много счастья её родителям. Что пошло сейчас не так сказать пока не могу, но очень постараюсь до конца сего произведения не оставить ни одного вопроса открытым. Воспитание грубого нрава началось с первых шагов становления на жизненном поприще. Она была изгнанником из всех школ, посмешищем для сверстников. Предметом того была крупная родинка, отроду находившаяся на лбу, прямо возле волос. Как же жестоки дети, уму непостижимо, доводя до слез это милое создание, они беспощадно хохотали и тыкали пальцем. Ни у кого в толпе не нашлось разума заступиться за нее. Пряча свои крылья, Соня убегала с уроков и ревела в центральном парке у речки. Такое посвящение ее ожидало в каждой школе, после которого она там больше не появлялась. Время шло и предмет насмешек медленно, но верно начал становиться предметом оригинальности. Подростки окружающие ее стали старше и малость разумнее. В процессе этого они как будто раскрыли глаза и разглядели ее оригинальную внешность. Насмешки закончились, началась зависть со стороны других девушек. Те из кожи вон лезли, чтобы выделиться, а ей для достижения такого результата не требовалось никаких усилий. К пятнадцати годам жизнь по-

дарила ей юношу, который, по-видимому, и я на это очень надеюсь, станет ей спутником на всю жизнь. Парнишку звали Михаил. Мать назвала его в честь великого писателя Булгакова. Она всю жизнь была библиотекарем и как следствие поклонником классиков. Отец его был простым таксистом. Семья жила в частном старом доме на отшибе города. Роскоши себе не позволяли. Жили мирно и любили друг друга. У Миши был младший брат Федор, появившийся на свет шесть лет назад. Имя ему было дано тоже в честь известного писателя. Он заканчивал детсад, и уже подавал крупные надежды стать, может и не богатым и известным, но хотя бы добропорядочным человеком, в целом, как и его старший брат и родители. Мама Михаила знала Соню и уже, кажется, очень полюбила её как родную дочь. Сонька в свою очередь отвечала тем же и была частым гостем в их доме. В свой дом Мишку она не водила и избегала всяческих контактов его с её родителями. Мать часто видела их из окна и имела некоторые догадки о романе дочери, а отцу никакого дела до этого не было. Михаил рос простым парнем и очень порядочным. Несмотря на свои ранние лета, он уже занимался самоанализом, искал ответы на сложные вопросы существования. При встрече с Соней он быстро принял её позицию в жизни и ощутил, что это именно та жизнь, которую он и хотел. Вот прозвенел звонок и обращаю Ваше внимание на двух прекрасных молодых людей, которые торопились на выход из здания школы. Они направлялись в свой любимый

парк, который располагался подле школы. Осень постепенно вступала в свои права, и парк тот становился очень поэтичным и поистине красивым. Сонька делала уйму фотографий на свой телефон. Целью её объектива было все вокруг. Мальшку так вдохновляла природа и все вокруг, что она буквально светилась от счастья и запечатлела всё подряд. Михаил, хоть и разделял эту любовь, но был более сдержанным в эмоциях. Он, молча, созерцал. В разуме ребенка нет границ. О чем тогда думал Мишка понять очень сложно, взгляд его всегда был тяжелый, складывалось впечатление, что он знает и понимает слишком много для своего возраста. Тело его ответило на его сложный и тревожный разум седыми волосами. Мальчишка в свои семнадцать уже был седой частично. Они дошли до пруда. Берега его были ограничены бетонными плитами. Сонька незамедлительно запрыгнула на них, а Михаил поспешил подстраховать её от падения своей худой рукой. Одно неверное движение и она оказалась бы в среде годной лишь для роста кувшинок и водорослей. При критических моментах в сущности каждого из нас на первый план выходит главный инстинкт самосохранения, и не дай она ему обрести верх над своим сознанием, находясь хоть на краю пропасти, хоть на краю пруда, то он бы прыгнул следом.

– Смотри! – Громко протянула последнюю согласную Сонька, тыкая пальцем в пруд.

В такое удивление её привели проплывающая посередине пруда утка, ведущая следом за собой весь свой выводок. Она

поспешила запечатлеть кадр и очень неловко, но крепко держала телефон, дабы на пике таких впечатлений не выронить устройство в воду. Отсутствие возможности делать фотографии привели бы её в полное негодование и депрессию. Девчонку также радовал объем отснятого материала, который каждый вечер подвергался тщательной обработке. Полученные кадры выглядели профессионально и собирали множество приятных комментариев на всех страницах её соцсетей.

– Чего бы ты хотел прямо сейчас, чтобы оно произошло? – Спросила Соня.

– Чтобы резко стемнело. – Ответил Михаил.

Соня ожидала романтики, ответ ей был непонятен, но она не стала развивать тему, она знала, что он загадочный и как говорить "со своими тараканами".

– А зачем тебе это? – Спрашивала она.

– Люблю когда темно.

Свою прогулку молодые люди продолжили сидя на лавочке, позади которой располагались уже ржавые, давно не приводимые в действие, аттракционы. Мало-помалу темнелось, несмотря на заброшенные аттракционы, парк все-таки снабжался электроэнергией, которая использовалась исключительно для освещения дорожек. Фонари блекло засветились, как тот час возле ламп начали кружиться мотыльки. Жабa неуместно заквакала где-то рядом с парочкой.

– Никогда не понимала, почему дети должны отвечать за грехи родителей. – Заговорила Соня.

– Это неизбежно, – обронил юноша, – жизнь это своего рода череда мучений и подъемов, а какими путями и случаями тебе предоставляется и то и другое уже не важно. – Продолжал он.

– Но ведь это абсурдно, почему я должна терпеть это все? – Повернувшись к Мишке, продолжала Соня.

– Потому что тебе уготована именно такая судьба, жизнь тебя учит через их пример, – Рассуждал Мишка, – никогда не жалуйся на свое положение, ищи в нем что-то положительное, извлекай опыт.

На столь исчерпывающий ответ у девушки не нашлось опровержения, и она погрузилась в задумчивое молчание.

– А ты не думал никогда о переезде куда-нибудь? – Снова заговорила она.

– Хотел бы в Париж, или нет, в Барселону. – Глядя в небо, отвечал Мишка.

– В Барселону? Размечтался. – Парировала Соня

– Если бы мечтания были под запретом, то я бы разозлился по-настоящему.

– А хочешь ли ты работать как наши родители, например?

– Зачем? Чтоб на собеседованиях везде у меня спрашивали, служил ли я в армии и, получив ответ, сразу же отказывали? Буд-то я хуже других становлюсь, если не был там. – Тон, каким это было сказано, не допускал возражения.

– Пойдем, уже поздно. – Поднимаясь с лавочки после недлительного молчания, произнес Михаил.

Связанные дневным светом и темнотой ночи они пошли глубже в сумрак парка. Как же сильно тогда запахло дождем. Темнота становилась все гуще и гуще, обволакивала город как расплавленный свинец, только вместо жара был холод. Сырой ветер начал поднимать шум и носить по воздуху редкие опавшие листья. Выходя из парка, они оба продрогли от ветра. Путь был недолгий, жили они почти рядом. Соня в новом двенадцатиэтажном доме, а Михаилу приходилось пройти немного дальше по той же улице до своего частного сектора. У подъезда он очень аккуратно, левой рукой, отводя волосы в сторону, оголил то самое пятно на лбу. Он находил его невероятно прекрасным. Соня подарила ему поцелуй и попросила написать ей как тот дойдёт до дома. Ветер тогда разыгрался уже не на шутку, сдувая капюшон с головы Михаила, давал понять и всем остальным жителям, что ночью будет ливень таких масштабов, какие бывают осенью только в городе S. Такими ливнями смывало все с этого города. Всё плохое и хорошее, всё старое и новое. От тяжелых туч тьма была настолько сильна, что, казалось, город S исчез. Столько столетий стоял и вдруг чернота. Мишка измазал все ботинки, пока доковылял до дома. Там его ждала уютная обстановка; мать с отцом ужинали, отец оживленно рассказывал какое-то из происшествий сегодняшнего дня, а мать, положив голову на обе руки и уперев их в стол, влюбленными глазами смотрела на своего героя. Младший брат на полу рядом собирал конструктор.

– Мишка, заходи скорее, замерз? Заходи, давай, отец запек свою фирменную картошку по французки, иди, поешь. – Тороторила мать.

– Садись! – Указал на стул слева отец. От него немного разило водкой, – вот тебе с большим окороком, ешь. – Заботливо наполняя тарелку, говорил он.

– Федя, ты будешь еще? – Спросила мать младшего, он отрицательно кивнул, и она направила взор на более взрослых своих любимых мужчин, – может еще по одной?

– Нет, милая, хватит, завтра много дел, – отказался муж от еще одной рюмки. – Сейчас чаю поставлю, на этом и закончим.

Соня тихонько отворила дверь, застав родителей за напряженным разговором, которые последнее время были не редкость и уже вошли в привычку. Она прошмыгнула в свою комнату так быстро, что пара листочков от собранного гербария отвалились в коридоре, неоспоримая улика присутствия третьего в доме.

– Ром, ты каждый день стал заявляться домой ночью, да еще и с запахом спиртного. – Доносился голос матери через тонкие стены.

– Да, и что же в этом криминального? – Не поднимая взгляда от ноутбука, проговорил Роман Захарович.

– Ты не обращаешь никакого внимания ни на меня, ни на дочь свою, что с тобой стало? – Продолжала она, стоя у входа на кухню, где за столом сидел Роман Захарович с деловым

видом, в очках, погруженный в ноутбук.

– Со мной все в полном порядке. – Проговорил он совершенно спокойно и сильно щелкнул клавишу компьютера.

– Ты меня за дуру держишь? – Немного разгорячившись, продолжала жена.

Роман снял очки. Погрузил свое красное лицо в обе ладони и начал его растирать, отвечая, – Оксан, сейчас совершенно не тот момент для таких разговоров, да говорить, собственно, не о чем, всё хорошо. Просто завал на работе. – Убрал руки и смотря на жену, продолжал Роман.

– Я чувствую, Ром, меня не обманешь, – голос её слегка дрогнул, – я знаю, ты был с ней! – затихающим тоном закончила Оксана.

– С кем с ней? С кем с ней!? С кем!? – Взорвался Роман Захарович, – что ты такое несешь опять? Что? – Швырнув очки в экран, разразился Роман.

Оксана, сделав жест руками обозначающий фразу «Я в этом не участвую», пошла по коридору в зал. По пути она нашла те самые два листочка и оглянулась на дверь комнаты дочери. Слабый желтый свет настольной лампы виднелся через стекло, Оксана еще более расстроилась по причине того, что дочь стала свидетелем, чего она всячески избегала. Сопровождаемая криками мужа «Вот так всегда, что-то сказала и пошла!», она легла на диван и уткнулась в экран телевизора. Вместо какой-то глупой комедии, которую тем вечером вещал один известный канал, она перед глазами виде-

ла всю свою супружескую жизнь, вспоминала покупку этой квартиры, переезд, о том, как этот же телевизор смотрели вместе. Глаза были мокры, но Оксана нашла в себе силы дать отпор эмоциям. Крепкая женщина.

На сей печальной ноте я покидаю тебя, мой читатель, совсем ненадолго.

Глава 3. Время начало бежать, время обман

И вот спустя несколько дней, которые должен сказать прошли трудно и медленно, я снова с Вами. В том же кафе, возле которого все так же искрят провода. День сегодня ужасно жаркий, не люблю жару. Но все же, несмотря ни на что, заглянем в еще одни окна, а окна эти частного ветхого дома семьи Прокудиных. Как мною было сказано ранее, в этой семье росли двое мальчишек – Фёдор и Михаил. Мать Вероника Андреевна, библиотекарь со стажем, книжный червь в круглых очках, взяла фамилию Прокудина уже целых двадцать два года назад. Пост главы семьи, в прямом и переносном смысле этого слова, занимал водитель такси, который двадцать два года назад подобрал на остановке, во время сильного ливня, насквозь промокшую Веронику. Как в красивых драматичных фильмах, не правда ли? И действительно всё в этом доме было как в сказке. Не было скандалов, упреков, криков, были только любовь и взаимопонимание. Кстати того счастливчика водителя звали Володя. Всю свою жизнь он провел за рулем. Как-то вот так сложилось, что счастье свое он нашел в дороге, везучий человек. Так легко найти его и быть довольным всю жизнь крайне редкий случай. Пожелаем все-таки счастья этим людям и продолжим наш рассказ. В то утро, которое следовало за главой написанной выше, Федя

проснулся раньше всех и выскочил на кухню, дабы налопаться конфет пока родители спят. По своей детской торопливости и страху быть замеченным за таким непростительным проступком, не аккуратным движением руки задел чайник, на его беду стеклянный. Посудина покачалась на столе и предательски соскользнула вниз. Однако если смотреть оптимистичнее, то лучше сейчас, чем тогда, когда он был бы полон кипятка. От лязганья стекла проснулась Вероника, Володя не спал уже минут тридцать, но не шевелился, не смел прервать покой своей возлюбленной жены, которая вызывала у него самые теплые чувства во время сна. Она лениво и одновременно любя, подарила ему поцелуй, как обязанность за каждое утро, начинавшееся с ним. Покидать постель в такое прохладное утро после ночного дождя было неприятно, но звук из кухни все же вынудил супругов пойти посмотреть что стряслось. Преступника на месте преступления уже не оказалось, а улика была небрежно им оставлена на полу. Расследование длилось недолго, стоило только взглянуть на развязанный пакет с конфетами, как сразу было ясно – воришка в соседней комнате.

– Федя, иди, собирай осколки! – Громко проговорила Вероника.

– Это не я, я спал! – Гундосым голосом протянул Федя.

– А кто, по-твоему, его разбил? Михаила нет дома, мы спали, иди, давай собирай! – Заглядывая в комнату, говорила мать.

– А где Михаил? – Возмутился отец.

– Я на рассвете услышала, как он ушел, наверное, с Сонькой сидят где-нибудь, – ответила Вероника, – мы с папой сейчас ноги порежем себе, как тебе нас не жалко, давай вдвоем уберем, иди сюда. – Зазывала мать младшего сына.

– Я как понимаю, кофе заварить теперь не получится. – Рассуждал отец.

– Сейчас на плите разогрею, садись. – Отвечала жена.

– Нет, это долго, нужно поторапливаться, попью где-нибудь по пути. – Накидывая на плечи рубашку без рукавов, отвечал муж.

– Заедешь домой на обед? – Подойдя близко к мужу и глядя ему в глаза, спросила Вероника.

– Конечно, Вер, не голодом же весь день, – с улыбкой ответил Володя и поцеловал жену, – всё, я побежал.

– Федор! – Зазывала Вероника, – что это за вредный мальчуган, вставай, умывайся и будем собирать осколки!

Соня и Мишка, по своему обыкновению любили иногда встречать рассветы или закаты на их тайном месте. То был высокий обрыв, этажей так в десять высотой, с которого открывался прекраснейший вид на поле, леса и широкую реку. Солнечный диск поднимался на горизонте, красно-алыми красками освещая поля и деревья. Сонька уносила оттуда уйму фотографий, а Михаил душевное спокойствие. Влюбленные, как правило, сидели подальше от края, внимая всем соображениям безопасности. Обрыв из года в год потихонь-

ку осыпался, каждую весну Мишка и Сонька разочаровывались очередному урезанию площади их местечка. Михаил из рюкзака достал термос с какао, налил Соньке и себе.

– Никогда не понимал, почему люди завидуют? Ведь твоя жизнь она самая лучшая, – начал Миша, – в такие моменты сидишь и думаешь: Где-то там суета начинается, а тебе тихо и спокойно, вся твоя суета это трава, которую ветер колыхает да мухи.

– Если так глубоко мыслить, то взаимоотношения людей превратятся в механизм и ты потеряешь прелесть быть человеком. – Философствовала Соня.

Начало её фразы было совсем не почтительным его концу, что вогнало Михаила в раздумье, он решительно ничего не понял, но и досаждать спутницу вопросами не стал.

– Да, с людьми и правда стало трудно общаться, временами я думаю, может это я трудный, а не они? – Риторически продолжал Мишка.

– Ты и в правду трудный, – с ухмылкой отвечала Софья, – чем голову себе морочишь? Не нравится человек, значит не общайся, всё просто! – Заключила Соня, широко улыбаясь, оголив свои белые зубы.

– Если так устроен мир, то я согласен. – Смеясь, заключил Мишка.

Он налил еще по одной кружке какао и продолжил наблюдать за восходом.

– Я кстати нашел рецепт своего счастья, шли дождливые

дни и я был в депрессии, а сейчас, как по волшебству, чувствую себя очень довольным.

– Это естественно, солнце способствует выработке серотонина в организме. – Пояснила Соня.

– Всё-то ты знаешь!

– Ну а ты, в самом деле, как вчера родился. – Повернувшись к Мише и обнимая его за плечо, отвечала Соня.

– Ничего не вчера, кажется, я это уже слышал где-то, – отстреливался Михаил, – как-нибудь бы устроить свою жизнь так, что бы проводить так утро или вечер каждый день.

– Ну, тут ты, конечно, размечтался, глупыш, важные дела тоже нужно решать, иначе никак. Но участить такие посиделки можно, потому-то я и намекала тебе вопросами, где бы ты хотел жить, – продолжала Сонька, – сейчас начнутся холода и снова эта грусть, прятки от мороза и прочие прелести нашего климата, я бы хотела в теплые края.

– Нам только по семнадцать, куда ты так торопишься? – Заворчал Миша.

– А думать надо уже сейчас!

– Сейчас я ничего не хочу думать, хочу наслаждаться моментом. Вот видишь дерево?

– Ну.

– Вот ты смотришь на него, а оно в эту секунду растёт. – С довольным лицом проговорил Михаил.

И четыре юных глаза уставились на высокий тополь, будто и в правду пытаюсь уловить взглядом процесс прораста-

ния. Для уставшего ума любая глупость услада. Покинем на некоторое время этих прекрасных юных мечтателей, ибо таково решительное требование повествования и заглянем в дом Калагереевых.

Да простит мне мою оплошность читатель, я до сих пор не назвал фамилии Романа Захаровича, это ни в коем случае не тайна, а всего лишь рассеянность автора. В то воскресное утро Роман Захарович, живший по глупому графику «работа-дом-работа», подбирал галстук к синему костюму. Супруга молча кормила кота. В квартире царила тишина, но тишина для посторонних ушей, для жителей этой квартиры был чётко слышен металлический скрежет шестерен огромной машины, название которой супружеский брак. Всякий раз, когда я думаю об этой семье, я не могу найти те самые точки соприкосновения, существование которых до этого года оба супруга не смели ставить под сомнение. По какому-то непонятному распорядку Гера покидает дома, а на замену ей приходит Эрида. То, что женщина делает из мужчины человека – это факт неоспоримый, как и то, что также ловко она может его полностью разрушить. Но, ни того ни другого Оксана еще пока не торопилась выполнять. Она погружилась в раздумывания, где сплошь фигурировали только догадки, то ли любовница молодая то ли работа встала каким-то образом на первое место. А может это и временно, думала она, все мы люди и все мы совершаем ошибки, а иногда из них выходит что-то чудесное. Также она твердо пони-

мала, если бы семья была счастьем для человека, то это была бы семья с большой буквы, чего сейчас о них сказать никак нельзя. Никогда не болейте людьми, от них нет лекарства. И даже если бы сбылась мечта всего человечества – рождаться старым и глупым, и по мере взросления молодеть и обретать разум, то всё равно ситуации в семье Калагереевых избежать не удалось. Т. к. их возраст средний и при любых векторах развития человека они бы находились на одной и той же стадии. И вот когда галстук был подобран, не вспомню уже какой, наверняка тот же, что и вчера, Роман Захарович поспешно удалился из дома. Оксана смотрела в след до тех пор, пока дверь не захлопнулась. После накинула легкий плащ взяла сумку и на полминуты задумалась у двери, глядя на ключи от автомобиля. То были ключи мужа, он никогда не водил свой автомобиль. Роскошный, белый, немецкий седан простаивал неделями во дворе, изредка Оксана садилась за его руль, чаще Сонька воровала ключи, чтобы посидеть с Михаилом или в одиночестве, слушая музыку. Приняв решение о пешей прогулке, она открыла дверь и вышла, кот пришел провожать хозяйку, самодовольно вылизываясь после плотного завтрака. Оксана прогулочным шагом, будто первый раз в этом городе направлялась в сторону проспекта N, там она повернула направо и остановилась у пешеходного перехода. Желтые листья пронеслись у ее ног, будто играя в догонялки, друг за другом. На разрешающий сигнал светофора Оксана не сразу начала движение, она смотрела на

него, но не видела. Юноша, пролетевший мимо на велосипеде, заставил её опомниться и поторопиться через дорогу. Покинув главный проспект города S, она более не выполняла никаких маневров, продолжая идти прямо. Дойдя до свежестроенной высотки, она подошла к последнему подъезду и позвонила в домофон. Высокомерное, невозмутимо спокойное «Кто там?» прозвучало из динамика домофона.

– Это я. – Ответила Оксана Владимировна.

– Ой, доченька, заходи! – Прозвучало сквозь помехи и дверь разблокировалась.

Роскошная, стальная белая дверь была уже открыта. Она скрывала от глаз соседей невероятно дорогостоящее убранство этой квартиры.

– Чего не позвонила, знаешь же, что не люблю незваных гостей. – Томным тоном цедила женщина, сидя в комнате на большом бежевом кресле.

– Прости, забыла. – Снимая туфли, ответила дочь.

– Входи, ну как ты? Рассказывай! – Начала беседу мать.

То была статная, роскошно одетая, умеющая себя держать как барышня высшего света, женщина шестидесяти двух лет. Вдобавок ко всему вдова. Отец Оксаны полтора года бился с опухолью головного мозга, увы, силы были не равны. Он оставил в наследство своей жене адвокатскую контору, которая как нефтяная вышка приносила неисчислимые доходы матери Оксаны.

– Да помаленьку, вот, шла в салон и решила к тебе зайти. –

Продолжала Оксана.

– Я по одному твоему виду вижу, что что-то не так.

– Тебе никогда не казалось, что папа тебе изменял? – Спросила Оксана очень аккуратно, будто преодолевая минное поле.

– Ах, вот оно что, ну я тебе говорила, не выскакивай ты за этого козла, у него в глазах все видно, что он там из себя представляет! – Подняв чуть выше тон, проговорила мать и отвернулась в сторону с недовольным лицом.

– Нет, всё совсем не так, как ты подумала, он просто стал какой-то странный...

– Доченька, он не стал, он им и был, – перебила мать, – просто глаза твои постепенно стали открываться, когда уже и дочь выросла, долго же тебе надо было!

– Ну почему так происходит?

– Доченька, единственный настоящий мужчина уже умер полтора года назад, этот твой Рома, он же нарцисс самый натуральный, он никого вокруг не видит, через работу свою все комплексы несет, сажает вон всех виновных-невиновных, он питается этим. Оставь ты его, у тебя есть все средства, чтобы растить дочь самостоятельно. Кстати как там твой салон?

– Да с ним-то всё в порядке.

– Вот и давай не тни с этим, Сонька уже взрослая она всё поймет, а если сама раскроешь все его похождения, большее будет, не лезь ни во что, слышишь меня?

– Слышу. – Вполголоса ответила дочь.

– Иди я тебя обниму. – Уже спокойным тоном позвала мама.

Оксана с блестящими глазами подошла к матери и приобняла ее. Мать погладила её по плечу и дала обещание, что все будет хорошо.

– Ладно, я пойду, наверное, надо на работу.

– Иди, моя хорошая, и не делай глупостей! – Говорила вслед мать.

Конечно, как тут их не наделать? Когда живешь семнадцать лет себе и думаешь, что знаешь весь этот мир, а он оказался подлым. По пути в свой салон она заприметила центр психологической помощи. На ходу изучила режим его работы и последовала дальше по улице, на которой находился ее салон красоты. Оставим Оксану с её мыслями и хлопотами на работе и устремимся вслед за бежавшим Роман Захаровичем. Куда он так торопился в субботнее утро, даже если бы кто-нибудь остановил его и спросил об этом, думаю, ответа не последовало, лишь надменным взглядом был бы удостоен тот, кто посмел остановить главного прокурора города S. Дорогостоящие наручные часы подтверждали опоздание прокурора на работу, и тот вовремя заприметил машину такси, которая стояла возле кофейни. Рядом выкуривал сигаретку и потягивал дымящийся кофе, кто бы вы могли подумать? Прокудин Владимир Степанович оказался как нельзя кстати, и кофе успел заказать и пассажир попался, готовый заплатить любые деньги за своевременное прибытие в проку-

ратуру. Роман Захарович, противясь и с трудом преодолевая ненавистный запах табака, обратился к водителю.

– Уважаемый, плачу полторы тысячи до прокуратуры, очень срочно! – Донес свое предложение до Володи Роман и уже закинул портфель в открытое заднее окно автомобиля.

– Да это мы сейчас запросто! – Ответил Володя и поторопился за руль.

Кофе было установлено специальный подстаканник, ремень пристегнут и только запах жженой резины еще с мину-ту напоминал о присутствии тут машины такси.

– Господи, как вы это курите? – Скривив гримасу, спрашивал Роман Захарович.

– Да, привычка поганая не могу никак бросить.

Роман Захарович надменно кивнул и промолчал.

Примерно минут десять заняла бы поездка до прокуратуры, как непоколебимый светофор остановил на короткий промежуток времени поток машин, Роман Захарович возненавидел все светофоры мира за такую наглость. Пешеходы начали движение, пересекая проезжую часть, на встречной полосе движения, девушка переходила дорогу, ведя рядом свой велосипед. Остановились все машины, за исключением одной. Шумная, с черными окнами, красного цвета машина стремительно набирала скорость. Ввиду небольшого заветвления дороги левый ряд машин загоразивал идущих пешеходов, а злостный нарушитель левую полосу для движения принял видимо за взлетную площадку, всячески игно-

рируя красный свет. И вот железный киллер появляется на стоп-линии перекрестка в момент перехода девушки с велосипедом. Теперь, чтобы лучше представить то, что сейчас произойдет, пусть читатель вообразит себе странную человеческую способность: в критические моменты, несущие опасность для жизни, картина происходящего замедляется в пользу восприятия. Т. е. человек преодолевает над временем и успевает среагировать на ситуацию. Свист резины, звук сигнала машин, крики из окон, вопли пешеходов. Всё замедлилось. К сожалению, никакая сверхспособность не помогла бы бедняжке избежать увечий т. к. она невозмутимо наслаждалась любимой музыкой, которая заглушила посредством наушников все происходящее вокруг. В одно мгновение велосипед вырвало из рук, столкнув пострадавшую прямо по своему направлению, машина остановилась. Переднее колесо велосипеда покатило к обочине. Шлем велосипедистки проломлен. Картина застыла. Все свидетели замерли и враз, как будто находясь под водой медленно, но с большим усилием заторопились на помощь. Из красной машины выскочили двое молодых людей, оглянулись на происходящие и дали дёру. Народ сбегался вокруг; женщины склонились, мужчины сели на корточки подле велосипедистки. Володя, кажется, тогда он так быстро двигался, на фоне всего происходящего в глазах Романа Захаровича, молниеносно отстегнул ремень и достал аптечку из бардачка. Он прытью вынырнул из машины, оставив дверь открытой. «Да чтоб ме-

ня!» обронил Роман Захарович. Опоздание его волновало больше. Он оставался сидеть на заднем сиденье и наблюдать за происходящим. Володя с криками «Её нельзя трогать, не переворачивайте её!» преодолевал эти долгие метров тридцать до встречного перекрестка. Добежав до толпы, растолкал людей в стороны и преклонил колено перед пострадавшей, разместив перед собой аптечку. Женщина, склонившись рядом, вызывала скорую. Крови вокруг тела нет, видимых переломов нет, все конечности имеют форму обычного человеческого тела. Девушка потратила все оставшиеся жизненные силы на шепотом сказанное «Больно». Володя приложил бинт к единственной видимой ссадине на теле пострадавшей и достал обезболивающее. Подняв голову вверх, громко спросил воды у присутствующих, кто-то из толпы сунул ему бутылку. «Вот, примите эти таблетки, вам полегчает» – сказал Володя и дал девушке две таблетки «Нимесулида». Где-то вдалеке послышалась сирена и народ закопошился вокруг. Люди побежали отгонять свои автомобили в стороны, чтобы пропустить машину скорой помощи. В миг, откуда не возьмись, без звуковых сигналов и проблесковых маячков, съехалось три полицейских экипажа. Два из них дорожная служба и один из отряда сотрудников полиции. После осмотра один экипаж дорожной службы резко сорвался с места происшествия, включив сирену. Володя, не торопясь вернулся к своему такси, он находился в некотором смятении. Садясь за руль, не проронил ни единого слова своему

пассажиру и продолжил движение до прокуратуры. Пассажир разглядывал происходящее происшествие до тех пор, пока не пересекли перекресток. Оба погрузились в смутное молчание. По приезде Роман Захарович рассчитался крупной купюрой и по своему обыкновению сдачу оставил на чай. Володя еще долго курил сидя за рулем, а после отправился дальше работать. К сожалению и мне нужно торопиться по делам, на сегодня приостановим повествование и в скорое время возобновим.

Глава 4. Виновен не тот, кто грешит, а тот, кто создает мрак

Сегодня я в не совсем стандартной обстановке продолжаю мой рассказ. Ввиду того что, моё любимое кафе сегодня закрыто по причине халатности некоторых людей. Провод, долго искрящийся, в конце концов, вспыхнул над проезжающим трамваем. Перепад напряжения привел к каким-то проблемам на станции и весь район теперь обесточен. Я сижу за рулем своего автомобиля и наблюдаю, как рабочие копошатся на месте происшествия. Пожарный отряд уже сматывал рукава.

Люди идут, а следом за ними чувство голода и усталости. Не скрывая своего эгоистичного отношения к природе, сетовали на дождь. Каждый был уверен до крайней степени, что следующий год будет лучше нынешнего. Да, возможно, но живым никогда не стоит забывать о могиле. Вселенная подарит чудо только тому, кто в него верит. Не нужно знать все на свете, достаточно понять только себя. С виду вроде разные, а вроде и одинаковые, мы замешаны с вами в одной очень крупной афере с названием жизнь. С одной стороны православные нуждаются в Иисусе, с другой интроверты в наушниках. Так или иначе, на земле существуют люди, а впрочем, люди ли это? Ладно, не будем отвлекаться от того зачем мы тут все собрались. А собрались мы, чтобы продол-

жить наблюдать за жизнью совершенно простых людей. Как вы могли помнить из прошлой главы, Роман Захарович зашел в здание прокуратуры, а Володя немного погодя поехал работать дальше. В то утро в кабинете Романа были побиты все рекорды по объемам выпитого кофе. Кучи документов то и дело только успевали подвергаться редакции и сортировке, очень ловко параллельно хлопотам государственным решались и хлопоты любовные. По переписке было согласовано сопроводить Лилию сегодня после выступления. В коридоре встретились Павел Владимирович и Максим.

– Ну как самочувствие после вчерашнего? – С улыбкой протягивая руку, спросил Максим.

– А что такого особенного произошло вчера? – Недоумевая, спрашивал Павел Владимирович.

– Да брось прикидываться, надрался ты не слабо тогда!

– Брось ерунду пороть, юный дуралей, пойдешь, займись делами. – Буркнул Павел Владимирович и нырнул в кабинет Романа Захаровича.

– Тебя стучаться то не учили? – Не отрываясь от бумажной волокиты, как бы между делом проронил Роман.

– А я что, захожу в кабинет высокопоставленного лица?

– Ты посмотри, свежий как огурец, откуда в тебе столько здоровья?

– А вот до моих лет дорастешь и поймешь. Так, что там с документами из вчерашнего суда? Мне пора подавать их, долго возиться то будешь? – Резко сменив эмоцию на стро-

гую перешел к делу Павел Владимирович.

– Да как раз этим и занимаюсь, я сам тебе занесу.

– Давай поторапливайся, не хватало еще и в субботу сидеть в этой богадельне весь день, я буду у себя! – Уже уходя, проговорил Павел и скрылся в коридоре.

– Хорошо. – В полголоса, слышно только для себя самого ответил Роман Захарович, вглядываясь в какой-то документ с поднятой бровью.

К этому времени молодые влюбленные ангелы уже покинули своё местечко и были в пути к дому. Сырая трава вымочила Мишке штаны до колен, Сонька намотала повязку на голову узелком на лоб.

– Смотри сколько засохших цветов! – Рысью прыгнула она с дороги на лужайку.

– Ты оборвала уже все в округе.

– Ну и что, они такие красивые!

Удивительно как этого, совершенно непорочного и чистого человека, могла довести до состояния избыточного счастья простая лужайка цветов, которые уже были поражены осенней прохладой. Сразу было сделано несколько фотографий букета и самой полянки, а после молодые продолжили свою прогулку.

– Миш, давай сбежим из дома? – Спросила Соня.

– Что ты такое говоришь?

– Я не хочу домой, я устала.

– Но что мы будем делать? У нас ни денег, ни жилья соб-

ственного и вообще даже школу не закончили.

– Я не имела в виду прямо сейчас, школу конечно закончим.

– Я не знаю, как отреагируют мои родители.

– Конечно, им будет тяжело, но ты напиши им письмо или оставь записку, если они разумные, а я знаю что это так, то они тебя поймут и примут твой выбор.

– Я подумаю, до конца школы еще много времени.

Молодые влюбленные продолжили свою прогулку весь день. До самого вечера они побывали на водоеме близ города, также сидели посреди поля, которое располагалось левее водоёма. Обошли несколько торговых центров, Соня подобрала Мише очки для интеллектуального образа. Было выпито множество разных напитков, а время проведено весело. Не будем сегодня беспокоить юных исследователей. Пусть пока молоды наслаждаются.

Гладкие, тонкие, белые, с ухоженными ногтями бордового цвета, руки Оксаны Владимировны старательно и ловко, но в то же время нервно и дергано, зачесывали волосы клиентки её салона. Если судить по их беседе, то очевидно она была завсегдатай посетительницей.

– Я вот одного не могу понять! Я делаю всё. Точнее делала, а он раз и всё! – Возмущенным тоном говорила Оксана.

– Да мужик он по своей природе такой, ты хоть что делай он всё равно пойдет на сторону. Вот мой, дурак дураком, а вскрылось за ним такое. Он на коленях за мной ползал две

недели. И я понимаю, что любит то он меня, но справиться я с этим не могу. Он мне и всё, и то и другое и давай уедем, а я смотрю на него и не могу. – Рассказывала клиентка, пока волосы её обрабатывались различными инструментами и опрыскивались средствами из разных баллончиков.

– И дочь, вот куда я её теперь? Без отца дальше расти будет? – Отвлекаясь от работы, продолжала Оксана.

– Сонька то? Она ж взрослая уже, она всё поймет! – Возразила клиентка.

– Так, давай полежи пока подсохнет, я скоро вернусь. – Заторопилась Оксана, складывая инструменты.

Она подошла к своей сумке и посмотрела в телефон.

– Оксана Владимировна, там у четвертого кресла проблема у меня, скоро следующий клиент и надо поторопиться. – Подбежала молоденькая парикмахерша к начальнице.

– Да, сейчас подойду. – Обронила Оксана, совершая вызов.

На том конце провода ответили: «Вы позвонили в психологическую клинику «Идиллия», администратор скоро освободиться и ответит на ваш звонок». В тот момент у четвертого кресла начинался скандал. Женщина, довольно крупного телосложения, начала раздражаться на юную парикмахершу. Оксана Владимировна около двух минут вела диалог по телефону, а после подошла на помощь парикмахерше.

– Возьми вот этот мусс, вот, давай попробуем так. – Лов-

кими движениями начала управляться с укладкой волос Оксана, девушка внимательно наблюдала за советами начальницы.

– Ну, вот видишь? Попробуй эту прядь сама. В следующий раз можешь попробовать и вот это средство. – Оксана поставил баллончик ближе к краю полки, и ушла к своей клиентке.

– А знаешь что Оксан? Отдохни, сходи куда-нибудь, легкая интрижка не помешает, а там и придет уверенность в себе. Ты совсем потрепанная стала. – Советовала клиентка.

– Сейчас вообще не до отдыха, приподнимись, – отвечала Оксана, – ну смотри, нравиться? – Подняв спинку кресла и разглядывая прическу в зеркале, спросила она.

– Слушай, – протянула клиентка, – он и так у моих ног, дак теперь и целовать их начнет, сколько я должна? – Самодовольно разглядывая свой образ, проговорила клиентка.

– Тебе как постоянной по особому прайсу, иди к администратору, я там уже сказала. – Торопливо собирала инструменты и баллончики Оксана Владимировна.

За стойкой администратора она накинула свой белый плащ и вышла из салона. Она направилась в ту самую клинику, которую заприметила по пути до салона. Подходил час её приема. Её ожидали ровно к 14:00. Администратор вежливо встретила Оксану Владимировну, они заполнили какие-то необходимые документы, провели оплату, после чего сотрудница провела её к кабинету.

– Заходите, здравствуйте, присаживайтесь. Чай, кофе? –

Проходя по кабинету, спросил врач.

– Спасибо не надо. – Растеряно ответила Оксана.

– Выглядите растеряно, – заметил психолог, – успокойтесь, примите удобную позу. Я вот пожалуй не откажусь от кофе.

То был красивый, очень подвижный и в то же время неторопливый мужчина лет около тридцати. Одетый в черный кардиган, из-под которого виднелась белая рубашка, он создавал впечатление человека, который точно знает с какими вопросами пришла Оксана. Очки с черной оправой подчеркнули образ и, в сотрудничестве с приятным выражением лица и белоснежной улыбкой начали постепенно вызывать доверие новой пациентки.

– Для начала расскажите мне кто вы и чем вы занимаетесь? – Отпив кофе, спросил он.

Оксана в этот момент разглядывала интерьер кабинета в слегка розоватом оттенке. Вопрос врача будто вернул ее обратно в свое тело, и она посмотрела на психолога.

– Я держу свой салон красоты, но это не главная моя проблема. Я пришла сюда, потому что я жена главного прокурора нашего города. – Растеряно объяснилась Оксана.

– И это проблема? В чем она заключается? – Глядя в глаза пациентки, продолжал врач.

– Дело в том, что я ей являюсь вот уже семнадцать лет. И семнадцатый год стал каким-то не таким. Точнее не год,

а сам муж. Он как будто живет один, ни я, ни дочь, мы его не интересуем, – объяснялась Оксана, – он всегда на работе, хотя я стала допускать мысли, что не всегда.

– Вы подозреваете его в измене?

– Недавно я закатила скандал, в котором упомянула «Её», а сама и не знаю кого и есть ли «Она» вообще.

– Как он отреагировал на «Неё»?

– Он буквально закипел и повысил голос, – врач начал делать записи, а Оксана все больше углубляться в свои мысли, – он завопил «С кем с ней?», я спросила: «Ты опять был с ней?», – пояснила пациентка, – а он начал кричать на меня, и наша дочь, София, ей семнадцать лет, она всё слышала.

– А вы с дочерью обсуждали, как она видит ситуацию в доме?

– Нет, но я замечаю, как и она начала отдаляться, я уверена она тоже чувствует разлад.

– Для её возраста это норма, скажите, когда вы встретились, он уже занимал высокий чин и был ли в то время у вас свой бизнес?

– Нет, мы все это обрели вместе. – Уперевшись взглядом в лохматый ковер, ответила Оксана.

Наступило молчание, слышно было шуршание карандаша по бумаге. Врач всегда на первом приеме вел записи карандашом, дабы при надобности стереть ошибочные заметки и легко подвергать редакции всю анкету. Беседа продолжалась еще около часа, было сделано множество заметок, Оксана да-

же осмелилась выпить кружку чая. Врач смог расположить к себе клиентку, и вывести из растерянного состояния. Результатом первичного приема было назначение повторного, за отведенное время вряд ли удастся раскопать хотя бы одну проблему. Оксана, держа в руках свой плащ, покинула кабинет с табличкой «Платонов Даниил Игнатович. Семейный психолог. Психиатр» на двери. Вежливо попрощавшись с администратором, она покинула клинику. Дома её ждала привычная тишина и любимый кот и никто более.

Вечерело. На улицах города S начали появляться то там, то здесь пьяные возгласы. Жители этого города не чурались пропустить по бокалу или рюмке алкоголя каждый вечер. Наивно полагая, что именно это спасет их от злободневных проблем и усталости от работы. Вопиющий русский алкоголизм. Те, кто подумают, что мы употребляем это слово в дурном смысле, ошибутся. Разглядывая жителей, мы чуть не опустили из виду одного из главных героев нашего рассказа Романа Захаровича. Тот торопился к входу в театр. Театры города S также востребованы, как и распивочные, обычно эти заведения посещались за один вечер. Как правило, порядок посещения строго соблюдался: сначала искусство, а потом застолье. Люди, весьма образованные, пользуясь нелитературной, но верной фразой, находясь «под шафе», подвергали критике, или же восторгались увиденными постановками. Грядущий балет распродал все билеты уже в первый день их продаж. Почитатели таких постановок ожидали невероят-

ной гибкости от балерины, чего, по всем правилам искусства, требовала довольно сложная постановка. Роман Захарович занял VIP-место оплаченное им по двойному тарифу т. к., повторюсь, попасть на эту постановку было крайне сложно. За все время представления Роман Захарович не обращал никакого внимания на сцену. Его больше заботил телефон и решения различных рабочих вопросов. Продолжалось это до тех пор, пока на сцене не появилась она. Её движения были настолько грациозны, что захватили внимание не только Романа. Каждый элемент её выступления был без единого лишнего движения. Каждое было отточено до идеала. Хрупкие ноги то и дело семеняли по сцене на носочках. Боль в ногах – жестокая цена за столь красивое выступление. Лилия покорила этот город. Сегодняшний вечер весь будет посвящен её ногам. Арабески чередовались с ассамбле, вызывая бурные удивления среди зрителей. Её невероятный экранный образ управлял взглядом Романа Захаровича. Успешно покоренный зритель рукоплескал всем залом, всюду слышалось «Кто она?». А Кто она на самом деле не знал даже зритель самого дорогого VIP-места, только сейчас он это понял. По окончании представления Роман ждал на широкой лестнице у входа в театр ту самую звезду балета. Она выбежала своей легкой походкой как по воздуху.

– Ты так смотришь на меня пронзительно. – Заметила Лилия.

– Шикарное выступление. – Слегка улыбаясь, сказал Ро-

ман.

– Взгляд как у влюбленного мальчишки. – Продолжала балерина.

– А вдруг я и правда влюбился?

– Любовь? Фу, какая гадость! – Язвительно бросила Лилия и постучала каблучками по лестнице.

– Я отвезу тебя домой, вот такси.

Роман Захарович открыл ей дверь и посадил в машину, сам же расстегнул пуговицу своего пальто и сел с другой стороны.

– Может, выпьем чего-нибудь сегодня? – Предложил прокурор, а балерина согласилась.

Они отправились в шикарный ресторан в центре города, когда столик был выбран пара села, Лилия аккуратно подамски отпила маленький глоточек воды, предлагаемой всем посетителям, пока заказы готовятся. Были поданы два салата и дорогое белое вино. Официант в белой рубашке и черном жилете, неторопливо налил сначала даме, а потом её спутнику и удалился.

– Так давно ты занимаешься балетом? – Начал Роман.

– С самого детства, – отвечала Лилия, – мать отдала меня, когда мне было шесть, отец хотел, чтобы я стала врачом, ну ты знаешь эти родительские проблемы, я должна быть врачом только потому, что он тоже врач.

– А мама твоя, как я полагаю, балерина? – Спросил Роман Захарович.

– Мама была как раз таки преподавателем моим по балетному танцу. Она была когда-то на сцене, но после несчастного случая её правая нога была сломана, и вот она стала преподавать.

– Грустная история, – подхватил Роман, – так все потерять, а как она сломала ногу?

– Училась кататься на коньках.

– Вот как. – Обронил Роман.

– Ну, ничего, она и так была довольна своим положением преподавателя.

– Однако сильная женщина! – Сказал Роман и отпил треть бокала.

Лилия обронила свое протяжное «Да» и принялась за салат. Пара хорошо провела время, они многое узнали друг о друге. Время было позднее, допивалась уже вторая бутылка вина. Слегка опьяненные больше друг другом, чем вином, они засобирались на выход. Роман оставил хорошие чаевые и помог спутнице одеться. На заднем сиденье такси, которое ехало на адрес Лилии, Роман положил ей руку на колено, которое было одето в черный чулок. Руку, на которой еще виднелся отпечаток обручального кольца. У подъезда Роман Захарович попросил водителя подождать и вышел проводить Лилию.

– Ну что ж, до встречи балерина.

– Пока прокурор. – Смеясь, произнесла Лилия и зашла в дом.

Роман Захарович отправился домой.

Мишка, усталым медленным шагом, тащился по частному сектору домой. Весь день прогулки сильно вымотал юношей. Зайдя в ограду, он увидел мать и отца. Они сидели на том конце приусадебного участка. Забор там был выстроен по старому, горизонтальным палками и через него можно было видеть узкую речушку, бежавшую между камышей. Родители провожали закат, жена положила голову на плечо своего мужа. Миша пустил слезу. «Неужели я должен их оставить?» – спросил внутренний голос. Он прошел в дом до своей комнаты весь заплаканный. На душе у него стало так пусто, до боли в груди. Соня украдкой проскочила в свою комнату и надела наушники. Верные спасатели детей от родительских скандалов. Зазвучала тихая музыка. Певец призвал выйти из комнаты. Голос его был настолько звонкий и сильный, что чувствовалась вся боль его песни. Уму непостижимо через что должен пройти творческий человек, чтобы быть услышанным. Замок входной двери защелкал и в открывшуюся дверь вошел бывший глава этой семьи. Оксана бросила на него взгляд, он бросил в ответ и прошел на кухню. Через десять минут Оксана прошла в ванную и, выйдя из нее, остановилась в проходе на кухню.

– Ты опять где-то был? – Тихо спросила она.

– Ну... – Немногозначно буркнул Роман за экраном ноутбука.

– И опять запах спиртного.

– Ты ведешь себя как моя мать, я что, не могу выпить пива с коллегами? – Немного повышая голос, спросил Роман.

– Не кричи на меня! – Отрезала Оксана.

– Не задавай глупых вопросов! – Парировал Роман.

Оксана Владимировна ушла в спальню в одиночестве. Сонька ничего не слышала в наушниках, только лишь соседи были свидетелями очередной перепалки Калагереевых. В панельных домах нет секретов.

Глава 5. Взор праведных не смущает невинных

Пока город S омывался множеством рек, его жители, под благосклонным взором творца, бегали по улицам, спасаясь от очередного дождя. Холодные мелкие капли как иголки оказывали раздражительное воздействие. Я снова в своем любимом кафе, наконец-таки эти недотёпы починили провод и заведение снова открылось. Ах, какие тут пекут блинчики с голубикой. Если читатель является жителем города S, прошу вас обязательно сходить попробовать.

И так, тот день, который следовал за описанным в прошлой главе, сильно омрачил благополучную обстановку в доме Прокудиных. Утром в их дом нанес визит участковый полицейский и попросил Володю проследовать с ним в отдел. Мать с сыном ошарашенные стояли на крыльце.

– А, это, наверное, после вчерашнего происшествия, надо дать какие-то показания. – Успокаивая себя и семью, произнес Володя, следуя за полицейским.

Участковый ничего на это не ответил и сел в служебную машину. Всю дорогу мужчины не перекинулись ни единым словом, по приезде в отдел участковый сопроводил Володю и передал его сотруднику. Тот, огромный грубый, точно медведь, дерзко произнес «Пройдемте» и направился на второй этаж. Спустя две минуты Володя сидел в кабинете дознава-

теля.

– И так, вы Прокудин Владимир Степанович? – Читая какой-то документ, спросила дознаватель.

Володя робко подтвердил свою личность.

– Ваш паспорт, пожалуйста. – Продолжила она, Володя медленно передал ей документ.

Он начал чувствовать что-то неладное, его статус свидетеля, как он полагал, по какой-то причине мог быть статусом подозреваемого. Хотя сам не знал с чего вдруг, сбил девушку то не он.

– Вчера, пятнадцатого сентября вы были свидетелем ДТП на N проспекте, в районе дома № 73? – Уставив свой взгляд на недоумевающего Володю, спросила дознаватель.

– Да я был.

– Девушка умерла. – Сказала дознаватель и сложила ладони в замок на столе.

– Очень жаль, из-за этих вот придурков, которые гоняют как не нормальные... – начал Володя.

– Но умерла она не от телесных повреждений, – тут же перебила его дознаватель, – свидетели говорят, что вы давали ей какие-то лекарства, вы давали ей что-то?

– Да, – прохрипел, трясущимися губами, Володя, – я дал ей обезболивающее.

– Какое?

– Нимесулид.

– А вы в курсе как он влияет на печень? Девушка погиб-

ла из-за поражения печени. У нее был цирроз, она проходила лечение. Вы усугубили её состояние этим обезболивающим, я плохо разбираюсь в фармакологии, но в составе этого обезболивающего есть какой-то компонент, оказывающий плохое влияние на печень. Тем более как говорят свидетели вы дали ей две таблетки.

– Ну, я да, я дал две. Зубы болели недавно, сильно, я и по две принимал, и ничего, живой! – Испуганно тороторил Володя.

– Вы чем меня слушаете? У неё был цирроз. Ей это противопоказано! Как вы могли дать ей какой-либо препарат, если сами не являетесь врачом? – Просверливая взглядом Володю, произнесла дознаватель.

Володя погрузился в молчание.

– Владимир Степанович, правоохранительные органы собирают доказательства против вас, и если у них это получится, то вы пойдете в этом деле как подсудимый по сто девятой статье. Причинение Смерти по неосторожности.

– Но я же хотел помочь, она стонала и говорила, что ей больно! – С испуганным лицом завопил Володя.

– Успокойтесь, отделаетесь исправительными работами в худшем случае сроком лишения свободы от двух лет по решению суда, скоро здесь будет ваш адвокат, а сейчас мне нужно взять с вас полное объяснение происходившего.

Последнего сказанного дознавателем Володя уже не слышал. В его сознании кружились кадры того происшествия

вперемешку со страхом своей участи в тюрьме. Его досаждало необъяснимое чувство того, что какая-то невидимая система или машина, запрограммированная на уничтожение людей, начала свое нападение на него. Он ощущал свое бессилие перед ней, она казалась ему неистово огромной. К такому исходу он не был готов, вчера родившись уже сегодня должен сражаться. Он изложил на бумагу своим кривым подчерком всё, что произошло на том перекрестке. Позднее приехал его адвокат и представился своему клиенту. То был уже знакомый читателю Григорий Александрович. Он разъяснил весь порядок действий и все права, которыми по закону может воспользоваться его клиент. Он всячески его успокаивал тем, что добьется минимального наказания в виде исправительных работ. Подозреваемый получил подписку о невыезде и покинул здание полиции вместе с адвокатом.

– Не переживайте Владимир Степанович, вскрытия еще не было, это лишь предположения, плюс у вас нет судимости, всё будет хорошо.

Володя кивнул, адвокат с клиентом обменялись рукопожатием и разошлись в разные стороны. Поданное объяснение Володи было ключом от той огромной машины, оно завело её. И тут же документ полетел по всем инстанциям, а пострадавшая была отправлена на экспертизу для выяснения причин смерти. Володя пошел пешком домой, за весь путь он безостановочно курил. Он шел и не знал куда идет, некий внутренний навигатор постепенно привел его к дому. Сын

и жена сидели на кухне неподвижно. Могло показаться, что они так сидят с самого его отъезда. Когда дверь в дом открылась, они бросили свой взор на бледного отца, Вероника вмиг стала одного цвета с мужем. Он короткими шагами подошел к столу и положил на него подписку о невыезде. Жена закрыла рот рукой и глаза её заблестели. Мишка не понимал, что это за документ, но был поражен не меньше матери, он сразу понял: происходит что-то страшное.

– Что произошло? – Пропищала Вероника.

– Меня подозревают в убийстве по неосторожности. – Промолвил Володя.

Мишку как молнией ударило, он опустил взгляд в пол и вместе с матерью выслушал все объяснение отца о произошедшем.

– Зачем ты дал ей эти таблетки? – Сквозь слезы пролепетала жена.

– Ей было больно.

– Больно? – Возгласила Вероника, – а теперь что ты будешь делать? Ты понимаешь, что они точно подтвердят твою вину? Ты это понимаешь? Что ты прикажешь нам делать теперь? – Уже рыдая навзрыд, кричала Вероника.

Володя остался сидеть за столом, жена ушла в ванную через минуту там зашипела вода.

– Не переживай, пап, ты не убийца, я уверен тебя оправдают. – Произнес сын.

Отцовские глаза блестели от слез, он обнял Мишку так

крепко, как может обнять только отец. С минуту пока они были в объятиях друг друга, Володя пустил скупую слезу, он так и не понимал, что плохого он натворил. За спиной Мишки на комодѣ стояло их семейное фото в рамке. Мы делаем снимки в счастливые моменты жизни и не думаем, что они попадут на могилу. Самые высокие побуждения чаще всего остаются непонятыми. «Ну ей же было больно, что я мог сделать не так?» пилил себя Володя. Вероника вышла из ванной, лицо её было красным. Она дергаными движениями загремела посудой для заварки ромашкового чая. Отец с сыном сидели, уперевшись взглядом в пол.

В этот день Оксана Владимировна проснулась для своего режима довольно поздно. У нее был усталый вид. Кот сидел на подоконнике и, лениво прищуривая глаза, наблюдал, как муха на стекле потирает лапки. Она собиралась к обеду снова попасть на прием своего психолога, а после зайти в свой салон. Простит ли мне читатель мою плохую память, но никак не вспомню, какая погода стояла в тот день. Оксана взяла с собой зонтик, но дождя не было. Мужа, само собой, дома уже не было. Она легонько приотворила дверь в комнату дочери, та была занята какими-то записями в тетрадке карандашом.

– Доброе утро, милая. – Произнесла Оксана.

– Доброе. – Так же ласково произнесла Сонька.

Она вела дневник.

– А ты не видела сегодня отца?

– Нет, кажется, я слышала, как он уходил рано утром. –
Обернувшись на мать, ответила Соня.

Оксана ничего не ответила и закрыла дверь в комнату. По пути планы переменялись. Ей поступил звонок от администратора, ситуация требовала вмешательства директора. Было решено: сначала посетить салон, а потом психолога. Успешно справившись с проблемами, она отправилась в «Идиллию». Чрезмерная вежливость администратора клиники оказала некое раздражение на состояние клиентки. Она поторопилась по коридору к кабинету.

– Добрый день, Оксана Владимировна. Заходите, присаживайтесь. Как прошел ваш вечер вчера, как сегодня вы себя чувствуете, рассказывайте! – Улыбаясь, встретил свою пациентку Даниил.

Сегодня она был одет в розовую рубашку. Оправа очков сменила цвет на белый. Оксана, уже несколько не церемонясь, зашла в кабинет, как к себе домой. Провалилась на диван и откинула сумку в сторону. Её поза была подобна позе, когда человек за весь день прошел десяток километров, мечтая о диване.

– А ничего и не поменялось. – Обронила она.

– А вы что-то предприняли для изменений?

– Я даже не видела его.

– А дочь?

– Дочь дома, за уроками сидит.

– Тогда каких же изменений вы ждете, если ничего не

предприняли?

– Я хочу ему отомстить! – Как отрезала Оксана.

– Вы видите в нем врага?

– Я не знаю, – немного погодя ответила пациентка, – я не знаю, я ничего не знаю! – С расстановкой проговорила она.

– А что бы было, если бы я пригласил вас сюда вдвоем?

– Он не согласится. – С истерической ухмылкой ответила Оксана.

– Может если он увидит, что работа над вашей жизнью началась, то согласится?

– Нет, – протянула Оксана, – этот человек создан только для одной работы и мы все, прекрасно знаем для какой.

– Вспомните, когда последний раз вы были близки?

– А я не помню, – резко ответила Оксана, – и помнить не хочу.

– Вы уже заведомо сами хороните ваши отношения, не торопитесь, просто вспомните.

– Полтора года назад, мы были приглашены на день рождения какого-то там чиновника, знаете, этакий светский прием. Все в дорогих костюмах боромочат о политике, попивая дорогое шампанское. А мы, мы ей богу, вели себя как дети, напились и, держась друг за друга, ходили по роскошному дому и саду, громко смеялись, ловили косые взгляды, но нам не было никакого дела до них.

– Вот, этот очень интересный момент, такая редкость, когда супруги, уже в зрелом возрасте, умеют прикинуться

детьми и вести себя так в свое удовольствие. Как бы это при-
скорбно не звучало, но алкоголь свёл множество семей. –
Держа около своих губ карандаш, и довольно улыбаясь, за-
метил Даниил.

– Вы советуете мне напоить его?

– А почему бы и нет? – Уже почти смеясь, ответил врач.

– Это абсурдно, я боюсь усугубить. – Мотая головой, от-
ветила пациентка.

– Приготовьте ужин пока его нет дома, и ждите.

– Ой, еще, наверное, нужно одеть что-то сексуальное,
да? – Недоверчиво ответила Оксана.

– А это уже на ваше усмотрение.

Далее был долгий сеанс. Оксана успокоилась и, кажется,
почерпнула для себя кое-что полезное. Когда сеанс подошел
к концу, Оксана имела приподнятый настрой и с улыбкой
подошла к врачу. Некий непонятный порыв радости овладел
ей, и она, сама того не понимая, протянула руку для руко-
пожатия. Он положил свой карандаш и с ответной улыбкой
пожал руку клиентки. Оксана удивилась такой горячей ру-
ке. Мягкая, теплая и в то же время грубая ладонь создала в
её теле некий непонятный импульс, который почувствовал и
сам Даниил. Они попрощались и Оксана поспешила на вы-
ход.

Юные влюбленные, вновь, как читатель уже привык их
встречать, шастали по городу. Холодный ветер тому никогда
не был помехой и сегодня не исключение. Осень уже почти

полностью оголила деревья. Стволы их потемнели от обильных дождей. Ветра, преимущественно северные, обломали часть слабых веток. Наступала та самая меланхоличная пора, которую так любил господин Чехов. Сырой воздух насыщал куда приятнее, чем жаркий летний. Небо из голубого перекрасилось в серый, в общем, много изменений происходит в это время. Изменения касаются не только природы, меняется все настроение человечества. Люди делятся на два лагеря: те, кто имеет более поэтический, если так можно выразиться, взгляд на мир и вещи вокруг, становятся более активными вне дома. А те, кто имеет более практичный взгляд, встречают осень охами и вздохами, сетуют на отсутствие тепла и солнца, сырость им быстро надоедает. Желтые горы листьев вызывают лишь желание впасть в спячку до следующего лета. Думаю, уточнять к какому типу относятся юные влюбленные не стоит, не до того уж глуп читатель. Соньку в тот вечер подруги позвали на вечеринку. Было одно заведение, в котором халатно относились к проверке документов на входе, чем как раз таки и пользовалось большинство школьников.

– Меня не звали. – Миша искал любые способы избежать посещения таких мест, он их очень не любил.

– Ну и что? Я тебя зову, пошли, оторвемся. – Подстрекала Сонька.

Уговорить его было сложно, но, кажется, он с первого раза был согласен, не отпустит же он её туда одну, а он прекрасно знает, что она пойдет, не смотря ни на что, его сумасшедшая

Соня. Михаил выдвинул свой скромный райдер: друг Димка тоже идет с ними. Димка, этакий книжный червь, худой с веснушками на лице, на котором помимо них еще размещались прямоугольные очки с черной оправой. Такой типаж едва ли вписывался в обстановку любого заведения с громкой музыкой и открытой продажей алкоголя. Соньке до этого дела не было, главное, что там будет её Мишка. Димка был тотчас же вызван на встречу. Он, как и полагается всем добропорядочным людям, проявил пунктуальность, придя на десять минут раньше. Молодые люди встретились и поспешили к входу. Из рюкзаков Миши и Соньки доносилось стеклянное бряканье.

– Вы что? Вы купили алкоголь? – Паниковал Димка, поправляя очки.

– Ну, в магазине же дешевле! – Смеялась Соня.

– Как бы ничего плохого из этого не вышло. – Продолжал свою панику Димка.

– Ой, угомонись. – Недовольно отрезала Сонька и побежала обниматься с подругами.

Вся молодежь была знакома между собой, то были и моложе и старше классом ребята. В темном углу зала, на голубом диване, расположились трое старшеклассников. Они вызывали некое подозрение своим видом, лица свои они закрывали, натянув поглубже головные уборы. У двоих кепка, а у одного из них панамы. Состоялся следующий разговор:

– Смотри-ка, а эти двое недоносков тут что забыли? –

Спросил тот, что сидел посередине в панаме.

Он самодовольно, закинув ногу на ногу, потягивал пиво.

– Девушка его ничего такая. – Заприметил тот, что был по правую руку.

Третий долго молчал, большими глотками выпивал какой-то коктейль и в итоге предложил:

– Давайте-ка взгреем его сегодня? – Было его фразой.

Остальные его напарники были в корне с ним согласны и начали строить планы.

Вечеринка начинала набирать обороты, так же как и повышались обороты напитков. Играла громкая музыка, если музыкой это вообще назвать можно. Просто удары воздушных потоков вылетали из акустики. Димка, соблюдая все приличия воспитанного подростка, отказался от алкоголя. Мишка с Соней были навеселе. Девочки собрались толпой на площадке и пьяными движениями извивались под музыку. Стоял громкий смех, который еле пробивался через удары музыки. Свет моргал то синими, то зелеными лучами. В какой-то момент своего танца, изредка приоткрывая глаза, Сонька стала замечать только незнакомые лица. Куда пропали подружки? На момент она остановилась, осмотрелась вокруг, все посетители весело отплясывали на площадке, лица были еле различимы. Повернувшись назад, она заметила потасовку в углу зала и неуклюже начала пробираться через толпу танцующих. Пройдя несколько шагов, уклоняясь от движений рук и голов, она смогла разглядеть, как Мишка

наносит удары по лицу какого-то неизвестного парня и мигом рванула в их сторону. Музыка задолбила еще громче, в то мгновение пока она преодолевала площадку, как непроходимое болото, на Мишку сбоку набросился тот в панаме. Он ловко вывернул его лицом к площадке и заломил обе его руки за его спиной, второй, который в кепке, был в ярости от полученных ударов и начал наносить ответные. Избиение продолжалось несколько секунд как откуда-то из толпы, со всего разбегу как бык на красную тряпку, налетел Димка и снес избивающего с ног. Тот прокатился по кафелю в угол зала. Мишка молниеносно нанес удар пяткой в колено тому, кто заломил ему руки за спиной и выполнил хук правой. На свою беду отправленный удар не дошел до точки назначения и виной тому выпитое. После промаха противник в панаме воспользовался моментом резко подсечь Мишку под ноги, тем самым в секунду уложил его на пол. Димка получил удар в лицо, от которого его очки переломились, без них он начал трудно различать образы всех окружающих, но лежащего на полу Мишу он все-таки распознал. В эту секунду драка была окончена по причине того, что Соня подлетела к толпе, окружавшей потасовку, выхватила из чьих-то рук бутылку и разбила её об угол. В её женственной руке горлышко с острыми осколками стало поводом для отступления. Трое нападавших спасались трусливым позорным бегством. Димка уложил в нагрудной карман своей рубашки то, что осталось от его очков и поднял Мишу на ноги. Вдвоем с Сонькой они

взяли его под руки, и повели к выходу. Они тащили его как подбитый танк с поля боя. Музыка сменилась, но разницы между композициями не было никакой. Они с трудом пробрались мимо танцующих, те потасовку даже не заметили. Бармен сопровождал взглядом всех троих до выхода. На улице Михаил повалился на землю и закатился заразительным смехом.

– Чего ты ржёшь? – Грубо спросила Соня.

– Видела как я его? – Вытирая кровь с подбородка, спросил Мишка.

– Теперь тебе придется тащить нас обоих, – также со смехом обратился к Соньке Димка, – очки то сломаны, а без них я как крот.

– Как все началось? – Допытывала Сонька.

– Я даже и не понял, они что-то подошли и заговорили, потом помню удар в ухо и понеслось.

– Пойдемте уже отсюда, пока еще чего не случилось. – Сказал Димка и поднялся с земли.

Молодежь спокойно потащилась по городу, было решено первым делом проводить до дома Мишку. Там Сонька призналась, что сама уговорила его пойти туда и напоила.

– Враки всё это, я сам, я всё сам. – Опровергал слова Соньки Михаил.

– Заходи, давай в дом и спать ложись, – строго сказала Вероника Андреевна, – может вам такси вызвать? Поздно уже.

– Спасибо Вероника Андреевна, мы дойдем, не беспокойтесь! – Ответила Соня и пошла к калитке, Димка посеменял следом.

Он проводил девушку и сам отправился домой. Сонька, зайдя в квартиру, увидела на кухне легкий свет как от свечи. Любопытство взяло верх, и она прошла по коридору. На столе стояли два салата, бутылка вина и свечи. Она растеклась в довольной улыбке, а мать в это время принимала душ. Сонька прошла в свою комнату и провалилась на кровать, уставшая и немного расхмелевшая, она в туже минуту уснула.

Роман Захарович неторопливо спускался по лестнице здания судебного участка. На парковке у крыльца он заметил шикарно одетую женщину, которая присела на переднее крыло красного автомобиля.

– Битый час тебя стою, жду, полгорода там посадил уже? – Кокетливо спросила девушка.

Когда она сняла очки, Роман Захарович узнал в ней Лилию.

– Не знал, что ты здесь. – Растерялся Роман.

– Садись, хоть покажешь где живешь, подвезу тебя. – Снимая платок с головы, сказала Лилия и направилась за руль.

Роман от неожиданной встречи стал каким-то неловким в движениях, он торопливо снял обручальное кольцо, стараясь сделать это незаметно, и с трудом разместился со своим портфелем на пассажирском сиденье.

– Это твоя? – Интересовался он автомобилем.

– Да, а что балерина не может себе позволить дорогой автомобиль? – Улыбаясь, спрашивала Лилия.

– Да нет же, я не о том, симпатичная машинка.

– Ты всегда так поздно освобождаешься?

– Работы много.

– Неужели наш город так грешен? – Сохраняя кокетливую улыбку, продолжала Лилия.

– Очень. Недавно меня вез таксист и на перекрестке на наших глазах сбили девушку. Он рванул туда и, дурак, дал ей какое-то обезболивающее от которого она умерла. Завтра придут результаты экспертизы и припишут бедолаге действия, повлекшие по неосторожности смерть.

– Ну, ты же накажешь его по всей строгости закона? – Язвительно спросила Лилия.

– Тут хочешь, не хочешь, а придется.

– Ой, да брось, вдруг это дело принесет тебе повышение?

– Что мы все о работе? Рассказывай, как провела день?

– У балерин всю скучно, тренировки, репетиции, рутинна, – Протягивая слова, говорила Лилия.

– Тебе надоело?

– Временами мне так кажется, пока я не выйду на сцену. Там я забываю обо всем и отдаюсь полностью. Это неопишное чувство. Ни в чем другом я себя больше не вижу.

– И скоро ты снова выйдешь на сцену?

– Пока неизвестно. Дорогу показывай.

– Пока прямо. Знаешь, мне тоже порой кажется, что я за-

стрял во всем этом, но испытываю, наверное, схожее чувство с твоим на сцене. Только нахожусь я в это время в зале суда. Когда твои тщательно собранные доказательства шокируют адвоката, когда ты как лидер берешь внимание каждого на себя и управляешь им. Упоительное ощущение.

– Да, да, именно такое же и у меня.

– Здесь на право, вот та многоэтажка.

– На чай не позовешь? – Хихикая, спросила Лилия.

– Извини, но нет. Устал.

– Да ладно, шучу, я б не пошла. Давай, до встречи прокурор.

Роман вышел из машины и направился к подъезду. Минув десять этажей и лестничную площадку он, не спеша открыл дверь и оказался на пороге квартиры. Оксана резко засуетилась, она не успела привести себя в порядок и была мокрая после душа в домашнем халате. Пожалуй, самый лучший наряд для любимой жены.

– Я не успела переодеться, проходи в кухню. – Засуетилась Оксана.

Роман заглянул на кухню и повернулся обратно в коридор.

– Послушай, дорогая, я сильно устал. – Начал, было, он, но жена его резко перебила с ошарашенным взглядом.

– А где кольцо?

Роман Захарович рассыпался в оправданиях:

– Очень жмет, неудобно было.

– Жмёт, значит? – В пол тона процедила жена.

– Давай не сегодня. – Обронил муж и ушел в зал.

Там он снял пальто и, полулежа, устроился что-то читать в своем ноутбуке. Спустя полчаса он крепко уснул в таком положении. Оксана Владимировна просидела почти до рассвета на кухне, попивая вино в одиночестве.

Глава 6. Из которой вы ни о чем не узнаете

У автора нет выходных, он всегда в работе. Как поэт остается голоден, пока пусты его листы. На этот раз я гуляю по городу. Скопилось много интересного, и давайте же это обсудим. Повествование отложим на потом, да и описывать обычную жизнь уже наскучило. Для Володи настала страшная пора ожидания суда. Да, кстати, результат экспертизы подтвердил смерть от передозировки обезболивающего. Но сейчас не об этом. Задай себе вопрос, читатель, много ли таких случаев в нашей стране? Много ли таких идиотов как Володя, и много ли таких нарциссов как Роман? Много ли таких страдающих жён как Оксана, а как Вероника? Она тоже страдает, но по-своему. Много ли брошенных детей, таких как Соня? К сожалению, да! Такие случаи отнюдь не редкость. Что касательно самовлюбленных всё досконально ясно. Тот, кто из двоих в позиции превосходства, тот более раненый, но скрывает эту правду от себя. Его стратегия: чтобы не чувствовать своей боли, надо быть круче других. Возвышаясь над жертвами, я не замечу, что сам такой же убогий как они. Зачем Роман Захарович заводил семью? Наверное, просто показалось, что в определенный момент мужчина без семьи это странно. Девяносто восемь процентов таких причин для вступления в брак приведут к разводу. К сожалению

нию мужчины и женщины относятся к институту брака достаточно халатно. И далее как по накатанной: жена уходит к любовнику, а муж в работе, счастлив как свинья в луже. Потом следуют слабости, в частности алкоголь и беспорядочные связи. Слабости даются нам для того, чтобы мы ими сначала увлеклись, а потом, став окончательно зависимым, если человек одумался и начал работу над собой, то он человек с большой буквы, а если нет, то он низшая прослойка общества, удел которых всем известен. Работа над отношениями и собой очень тяжелая, но нельзя забрасывать что-то только потому, что это трудно. Когда кончаются силы, просто посмотрите на солнце. А дети? Дети мучаются больше всего. К сожалению, их работа гораздо сложнее – на стать такими как их родители. Для некоторых дети это самоутверждение, а для других обременение. Возможно, Роман стал таким из-за строгости отца. Он был областным судьей и наложил все запреты на интересы сына, заставив его поступить на юридический факультет или «Можешь идти прочь!». Родители должны ошибаться, чтобы дети стали взрослыми. В жизни есть множество проблем и страхов и проч проч. Важно заглянуть страху в глаза и проработать его. Если ваш главный страх крысы, то сатана окружит вас ими. На пути саморазвития вы будете часто наткаться на заблуждения. Заблуждения – отличные метательные снаряды. Остановитесь и подумайте, возможно, вы не на своем месте. Пробовать что-то и потом возвращаться обратно это не стыдно, стыдно си-

деть, сложа руки. Если идея вынашивается в вашем разуме годами, то она становится целью. На пути также встретятся недоброжелатели. Люди с пассивными взглядами на жизнь. Человек это животное. Прав ли ты перед собакой или нет, она все равно будет лаять. Любая добродетель не всегда идет на пользу всем, теперь из-за глупости Володи будет громкая шумиха по всему городу, а почему объясню в следующих главах. То, что было фикцией, внезапно прикинулось конституцией. Как автор этой книги вынужден упомянуть о себе самом. Я же не разделяю интересов ни той, ни другой стороны. Моя позиция наблюдатель. Созерцание, что-то в нем есть волшебного. Так или иначе, автор любит своего читателя иначе бы он не существовал, следуя из этого, предлагаю перенести свое внимание на вечерний город.

Проходя по улицам, люблюсь молодежью. Все такие разные и совсем другие. Меня это очень радует. Улыбки на их лицах – непозволительная роскошь для несчастного человека, а значит, я могу заключить, что несмотря ни на что, они умеют радоваться простым вещам. Это первый шаг к новому обществу. Молодежь – это единственная надежда на светлое будущее. Человек создал экономику, чтобы она его погубила, человек любит создавать себе проблемы. Поколению, тому которое уже на закате своих лет, стоит дать дорогу молодежи и общество всецело увидит совершенно другую жизнь. Но я никогда еще не был так слеп к фактам. В современном мире стремительно развиваются различные негативные

направления. Особенно хочу отметить группы лиц, которые делят себя по половому признаку, муже-женоненавистники отравляют мой положительный взгляд на современное общество. Все, кто относится к вышеуказанным группам, так и норовят показать свое превосходство друг перед другом. Что ж. Новая жизнь новые проблемы. Так или иначе, лицо любого мира будет со шрамом.

Так и не заметил я, как прошел всю главную улицу, продолжая запись в блокноте телефона. Примечательно, что русский язык самый прекрасный для литератора. Никаким другим наших чувств так ярко не опишешь. Другие языки, скорее для передачи информации, в то время как русский для передачи эмоций. К тому времени, когда драма, о которой я повествую в этой книге, достигала своего апогея, предлагаю перенестись к дате рассмотрения судебного дела. То был ноябрь. Уголовная машина очень тяжела, поэтому, чтобы набрать оборы, ей нужны месяцы. Рассказ об этом я продолжу позже, сегодня я очень устал и промок.

Глава 7. Смерть – это переход к вечному свету

Ни в каком ином творчестве, кроме литераторства, нельзя вот так по щелчку пальцев перемотать время на два месяца вперед. И мы с удовольствием воспользуемся такой уникальной функцией литературы. Все люди как один сетовали на дожди, а если выпадал снег, то таял сразу же, как приземлялся. По весне обычно требуют, чтобы он растаял. Человек всегда чего-то требует и не доволен тем, что есть. Всюду было слышно «Вот выпал бы уже и грязи не было б». Небо исполнило человеческий каприз белым холодным пеплом на их головы. Только одному человеку в этом городе не было никакого дела до погоды. За неделю до того дня он был оповещен о судебном заседании, на котором он будет в роли подсудимого. Тяжкий груз тогда висел на плечах Володи. Казалось, он и ходить стал немного склонившись. Где-то внутри его мучила ноющая боль, смешанная с обидой. В то утро, несмотря на серое небо, было очень светло от белого пушистого снега. Володя собирался в суд, Вероника тоже присутствовала на нем, она отпросилась с работы на пару часов и пошла туда напрямиком из своей библиотеки. Володя ехал до здания суда как на бойню, он точно был уверен, что его приговорят к смертной казни и приговор приведут в исполнение незамедлительно прямо в зале суда. Он вел свой автомобиль

очень аккуратно, бережно соблюдая все правила дорожного движения. Внутри него поселилась сильная боязнь закона, ему казалось, что каждое его противоправное действие, пусть даже совсем пустяковое, такое например как не пропустить пешехода, может ужесточить его приговор сегодня. На первом этаже здания он потерялся как ребенок, на его удачу ему повстречался его адвокат, который вот только зашел в парадные двери и стряхивал снег с плеч своего пальто.

– Здравствуйте, Владимир Степанович, – протягивая руку, произнес адвокат, – вид у вас какой-то подавленный.

– Ну, знаете ли, не каждый день хожу под судом. – Еле вымолвил Володя.

– Ой, да бросьте, тоже мне опасный преступник, – успокаивал адвокат, – пройдемте за мной.

Они последовали на третий этаж по широкой лестнице вымощенной гранитной плиткой. Пульс подсудимого учащался. На третьем этаже у входа в зал уже стояли председатель и прокурор, между собой что-то оживленно обсуждая. Лицо прокурора показалось ему очень знакомым, но он не посмел долго в него вглядываться и остановился с адвокатом в коридоре. Григорий Александрович что-то искал в своем портфеле, минуту погодя прокурор и председатель зашли в зал, а следом за ними два пристава и еще много каких-то людей. Когда Григорий Александрович окончил свои поиски в портфеле, он заторопился следом за всеми и позвал за собой Володю. Подсудимый, зайдя в зал, совсем обессилил. На его

казнь пришли посмотреть столько людей, они все жаждут его крови.

– Григорий Александрович, а вы решили сегодня блестяще завершить свою карьеру? – Язвительно смеясь, спрашивал Роман Захарович, – я всё про вас знаю, что вы тут затеваете.

Адвокат проигнорировал этот выпад в свою сторону.

– Я, кажется, узнал его, – полушепотом произнес Володя, – я подвозил его в прокуратуру в тот день, он всё видел.

– Готов поспорить, что это дьявольское исчадье само навлекло на вас беду своим присутствием. – Также шепотом отвечал адвокат.

Они сели в первом ряду по правую сторону от прохода между стульями. Роман Захарович прошел по залу. Победоносная поступь лидера. Сел по левую сторону, так эффектно мог сесть разве что чиновник девятнадцатого века, откинув полы сюртука. Прозвучало «Встать, суд идет» и все как один покорно поднялись со своих мест. Зашла судья. Женщина лет сорока пяти с тёмными волосами и строгим видом заторопилась к своему месту. В тот момент по Роману Захаровичу было заметно что-то не ладное, он был возмущен.

– Всем сесть. Слушается дело № 207 по статье УК РФ номер сто девять причинение смерти по неосторожности. Подсудимый встаньте.

Володя робко поднялся со стула и заложил руки за спиной.

– Вы обвиняетесь в причинении смерти по неосторожности пострадавшей Володарской Виктории Даниловны 1987 года рождения. В разбирательстве будут участвовать суд присяжных. Со стороны защиты государством вам представлен адвокат в лице Ковыльного Григория Александровича. Со стороны обвинения прокурор в лице Калагереева Романа Захаровича. Вам есть, что сказать суду прежде, чем мы начнем?

– Нет, ваша честь.

– Тогда объявляю заседание открытым. Речь предоставляется вашему защитнику, сторона защиты имеет что сказать?

– Ваша честь, предоставим право стороне обвинения первому произнести речь.

– Сторона обвинения вам слово! – Отрезала судья и открыла какой-то документ.

– Ваша честь, в ходе разбирательства я бы хотел ходатайствовать о допросе свидетеля. К моему великому сожалению мне только сейчас стало известно от его жены о его тяжелом заболевании, в связи с чем, он не может явиться в суд. Без этого свидетеля разбирательство не возможно. Ваша честь, ходатайствую о переносе заседания.

– Сторона защиты не против?

– Нет, ваша честь.

– Ходатайство принято. Разбирательство переноситься предварительно на четвертое декабря. Сторона обвинения обязуется сообщить заранее о состоянии свидетеля ближе к

указанной дате.

Удар молотка для Володи был настолько громким, что он не слышал шорох собирающихся на выход присяжных. Вот и всё прошло, но гора с плеч не свалилась. На сегодня прошло. Впереди столько дней мучений, «Лучше бы меня и правда казнили прям сегодня». Таковы были мысли Володи. Неистовый гнев охватил все его существование, он резко поднялся со стула и вышел в коридор. Григорий Александрович почувствовал что-то не ладное в выражении лица своего клиента и заторопился следом, там он стал свидетелем диалога Володи с Романом Захаровичем.

– Уважаемый, вы меня помните? В глаза мне смотрите, вы меня помните? – Володя начал свою реплику тихо, постепенно повышая тон.

– Успокойтесь, Владимир Степанович! – Лепетал адвокат.

– Как вам не стыдно? Вы пользуетесь своей властью, чтобы бедный народ гнил за решеткой! – Вопил Володя.

– Как ты смеешь повышать на меня голос? Ты, ты ничтожество! – Роман схватил Володю за грудки его пиджака, – вы оба два, идиота, думаете, я не знаю, что вы тут задумали!? Я всё знаю, я всё про вас знаю! – Кричал Роман Захарович.

Адвокат и сотрудники охраны растащили в стороны враждующих. Все происходило под вспышки камер, весь первый этаж был заполнен журналистами и репортерами. Григорий Александрович повел под руку Володю по коридору.

– Григорий, что он себе позволяет? – Запыхавшись, спра-

шивал Володя.

– Не переживайте, эта дрянь ответит за свои слова. – Процедил адвокат.

– О чем он кричал? Что он знает? Вы, случайно, не причастны ли вы к исчезновению свидетеля? – Допытывал подсудимый своего защитника.

– Владимир Степанович, успокойтесь, вернитесь к своей прежней жизни, а все проблемы оставьте мне.

Они вышли через черный выход. Зачем, спросите вы? Потому что Роман Захарович вышел через главный и там его буквально смыла толпа корреспондентов.

– Что произошло с главным свидетелем? – Спрашивала одна журналистка.

– Он заболел.

– Роман Захарович, вам не кажется, это подозрительным, что вот так внезапно он заболел? – Спрашивал уже другой журналист.

И далее толпа корреспондентов превратилась в полнейший балаган из вопросов. Роману Захаровичу очень прельстило внимание прессы, но более всего его интересовало, что находилось дальше за толпой журналистов. Из-за высокой лестницы он мог различить только множество плакатов с какими-то надписями. Растволкав журналистов и пройдя ближе, его взору представилась толпа протестующих. Люди выстроились по всей улице и требовали посадить виновного немедленно без разбирательств. В эту секунду к Роману

подлетела корреспондент в паре с оператором:

– Роман Захарович, вы ожидали такого общественно резонанса? Расскажите подробнее, как продвигается дело? – Тороторила в микрофон журналистка.

– Я никак не ожидал такого, конечно же, дело продвигается затруднительно, по причине болезни главного свидетеля заседание перенесено на декабрь. – Отвечал Роман.

Следующих вопросов он не успел получить, кто-то резко дернул его за руку и потащил в сторону.

– Что происходит? – Оглядываясь назад, взволновался Роман.

– Давай в машину, живо! – То был Павел Сергеевич, – давай бегом, какие же они назойливые. Без комментариев, без комментариев! – Раздражительно отвечал он толпе журналистов.

Они торопливо погрузились на заднее сиденье такси, Павел Сергеевич скомандовал водителю «Гони!».

– Ты теперь новоиспеченная звезда, не ожидал? – С довольной улыбкой проговорил Павел Сергеевич.

– Я вообще не понимаю, что происходит? – В полном недоумении спросил Роман.

Павел Сергеевич поведал ему всю правду. Да будет известно тем, кто этого не знал, погибшей девушкой была видеоблогер с многомиллионной аудиторией на её канале. Она вела блог на тему путешествий по различным странам и их культуре. Аудитория преимущественно молодёжь. Виктория

получила свою популярность, будучи еще телеведущей программы со схожей тематикой. О своей болезни она сообщила в интервью известному журналисту. Публика с сожалением встретила новость и желала своей любимой ведущей скорейшего выздоровления. Новость о её смерти и обо всех обстоятельствах мгновенно облетела весь интернет и подняла «на уши» аудиторию. Поклонники требовали посадить виновного без разбирательств. Город хотел разорвать Володю.

Пока чиновники отмечали начало громкого дела в своем любимом заведении, новость разлеталась по всей сети интернет. Роман Захарович хоть и испытывал чувство восхождения на Олимп, но параллельно ему в нем зародилось чувство страха, будто что-то шло не так. Отмечали они сначала вдвоем, позже к ним присоединился Максим. Лилии в тот вечер в этом баре не было, да и если бы была, то Роман ее не заметил бы. Коллеги решили не засиживаться долго ведь завтра много дел, была только середина недели. На этот раз Павел Сергеевич не успел дойти до привычной кондиции и согласился с коллегами ехать домой пораньше. Роман попросил водителя такси привезти его домой в последнюю очередь. Всю дорогу он вёл переписку с Лилией. Она случайно увидела репортаж возле судебного здания по телевизору. Алкоголь подействовал как снотворное. Роман Захарович сонный и уставший поднимался в свою квартиру. Жены дома не было. Он тихонько зашел в дом и снял своё пальто. В коридор вышла его дочь. Роман обернулся, и они встретились

взглядом. Полминуты они изучали глаза друг друга. Глаза Соньки были красными, губы дрожали.

– Скажи, ты когда-нибудь любил меня? – В полголоса начала Соня.

– Что ты такого говоришь? – Растеряно спросил отец.

– Ты когда-нибудь любил меня, пап? Отвечай! Любил!?! – В слезах выкрикивала Сонька, – ты хоть знаешь, что я влюблена в его сына?

Роман Захарович всем своим существом выказывал порыв что-то сказать, но не мог. Слова подступали к его губам и тут же пропадали. Дочь, хлюпая, развернулась и хлопнула дверью своей комнаты. Отец, находясь в непонятном для самого себя состоянии, прошел на кухню и сел за стол. Битый час он потирал лицо руками, глядя в экран ноутбука. Оксана Владимировна задержалась на работе. Роман прошел в спальню и повалился на кровать. Сонька отправила сообщение Мишке с текстом «Пора, я больше так не могу. Встреть меня сейчас». Она всё также тихо плакала, всхлипывания были слышны в темноте, когда она одевалась. Прозвучал тихий щелчок замка входной двери, и Сонька заторопилась вниз по лестнице.

Казалось, то был самый красивый вечер. Несмотря на выпавший снег, было довольно тепло. Соня шла вдоль дома, поглаживая кусты, на ветви которых налип мокрый снег. После её руки он тихо падал. Алый закат даровал небу небывалую красоту, которой Соня наслаждалась, задрав голову к

небу. Она ощутила свободу, такую сладкую и мягкую. Вдыхая полной грудью прохладный воздух, она ощущала что-то новое, совершенно неподвластное ей чувство. В конце двора она увидела, как Мишка торопливым шагом шел на встречу. Возле одного из подъездов он поскользнулся на мокром снегу и повалился на спину. Соня расхохоталась и налетела на него сверху. Неуклюжий, но такой любимый Миша. Они пролежали в обнимку примерно две минуты, а потом встали, отряхнулись и затерялись в темноте дворов. Дворы в это время были особенно красивы. Снег выбелил общую картину города, а холодный воздух казался более чистым. Лицо города это его дворы, а не главный проспект. Из этого следует заключить лицо города S слегка мрачное и холодное. По этим же дворам спокойно брела в сторону своего дома Оксана Владимировна. Несмотря на долгий рабочий день, она была бодра. Она шумно захлопнула входную дверь квартиры. Входная дверь – единственное, что отделяло ее от внешнего мира, от бесконечных решений тех проблем, которые она скрывает. В то время, когда самая главная проблема существовала по эту её сторону. Она бросила сумку возле кровати, на которой очень тихо играл кот с очками хозяйки. Из соседней комнаты были слышны звуки клавиш ноутбука Романа Захаровича. Ноутбук Оксаны с момента приобретения ни разу не пребывал в выключенном состоянии. На заставке экрана светилась совместное фото с мужем. Она всматривалась в их счастливые лица около двух минут, а после ли-

стала новостную ленту. Абсолютно все новостные ленты города S пестрили о судебном деле, о каком думаю, понятно и без объяснений. Оксана с удивлением посмотрела обрывки кадров, которые успели заснять корреспонденты. Её руки затряслись. Она узнала в лице обвиняемого отца мальчика своей дочери. С трудом копаясь в памяти, она вспомнила, что видела его в школе на родительском собрании. Поспешно трясущимися руками она набрала сообщение дочери и тут же получила ответ, в котором Соня рассказала о побеге и о его причинах. Оксана заторопилась в соседнюю комнату со скандалом, но остановилась в дверях. Что-то остановило её, и она вернулась на кровать. Скупая слеза скатилась по ее щеке и упала на экран телефона, пока она выполняла денежный перевод на счет своей дочери. Неистовая боль ломала грудную клетку изнутри до поздней ночи. Где сердце ребенка там и сердце матери. Оксана не стала уговаривать дочь вернуться, она приняла ее выбор и при необходимости поможет при первой просьбе. Поскольку эти юноши были более близки к ангелам, чем к людям, то им не место в этом аду. Несколько часов кряду она смотрела на стеклянную статуэтку ангела, его хрустальная рука приложила палец к губам, приказывая говорить шепотом.

Глава 8. В живых остались только мертвые

Утром следующего дня Оксана проснулась сидя на кровати. Солнце осветило её лицо. Оно мудро ведь оно все видит издали. Здесь можно уловить некий намек на то, что пора уже открыть глаза. В её поведении и жестах можно было разглядеть сильнейшее волнение. Руки ее тряслись, а губы невольно поджимались. Мужа уже не было дома, да и у жены не было никакого дела до него. Она привела себя в порядок и покинула квартиру торопливым шагом. Спустя час мы могли бы ее заметить блуждающую в частном секторе, она неловко брела среди домов, вздрагивая от лая собак. При помощи специального приложения, установленного в её телефоне, она смогла найти нужный ей дом, и как ты уже мог догадаться, мой внимательный читатель, это был дом Прокудиных. Оксана неловко заглянула за калитку в поисках хозяев. Нескончаемый собачий лай разыграл в мыслях Вероники любопытство, и она вышла на крыльцо. Дружелюбного диалога не состоялось. Вероника была в гневе при любом упоминании об этой семье.

– Ты еще и посмела придти сюда?

– Послушайте, я понимаю все, что вы думаете обо мне и о нашей семье, но все это не так как кажется на первый взгляд.

– Если я живу в бараке, это еще не значит, что я дура.

– Я ни в коем случае вас такой не считаю, выслушайте меня, пожалуйста! Я сама не поддерживаю своего мужа в этом деле, он стал очень странным. Сам не ведает, что творит. Я всеми руками против этого судебного процесса. Всё, что произошло это обычная спонтанность и стечение обстоятельств...

Вероника оборвала эту речь хлопком двери, наивно полагая, что этой особе нечего ей сказать. Не сделай она этого, то узнала бы о побеге своего старшего сына с их дочерью. На тот момент она, по своей привычке, думала, что они как всегда где-то гуляют. Оксана не стала проявлять напористость и покинула частный сектор той же дорогой, которой пришла.

Начался поединок между стрессом и ходьбой за ее сердце, один убивал его, а второй наоборот тонизировал. В поисках мужа она наугад направилась в здание областного суда. Замечу в скобках – жена угадала его местоположение с невероятной точностью. Видимо еще не все нити были оборваны. Избрав пеший способ передвижения, Оксана наивно нашла в нем преимущество перед общественным транспортом. По ее быстрому шагу нельзя было заметить полное отсутствие сил, голод вызванный стрессом не проявляется в физическом плане. Даже самый легкий завтрак мог бы восполнить ее силы в известной мере. И вправду у нее получилось за довольно-таки короткий промежуток времени преодолеть такое немалое расстояние от частного сектора до того белого с широкими парадными дверями здания суда. В одном из его

кабинетов Роман Захарович, со свойственной ему педантичностью, воспроизвел систематическое расположение канцелярских принадлежностей по своему рабочему столу. Документы красовались его размашистой подписью, карандаши были наточены как копыя. Стопка очередных важнейших бумаг должна была быть передана в следующие инстанции, а ее доставку должен был выполнить сам Роман. Выйдя из кабинета он, если так можно выразиться, попался в лапы Оксаны Владимировны.

– Что ты творишь? – С взглядом полным отчаяния начала супруга.

– Собираюсь передать документы в другой кабинет. – Растерялся муж.

– Издеваешься? Пора бы уже и в собственной жизни принять участие, а не в этих твоих сверхважных делах! – Заводилась жена.

– Что-то раньше, когда ты кормилась за счет этих сверхважных дел, у тебя не возникало таких мыслей. – Слегка высокомерно отвечал супруг.

– Не закатывай сцену, ты меня совсем не уважаешь!

– Не уважаю ли я тебя? Ты смеешь заявиться сюда с важным видом, начать скандал прилюдно в коридоре и просить об уважении? Кто дал тебе деньги на открытие твоего салона? Кто организовал и оплатил похороны твоего отца, когда твоя мать пребывала в полной заднице? А? А теперь, когда это всё улажено эти сверхважные дела для тебя кажутся пу-

стяжковыми? – После такого припадка красноречия он залился вполне им заслуженным кашлем.

Офисные зеваки собрались поглазеть на скандал за спиной Романа.

– Ах, вот как ты теперь думаешь, – шепотом произнесла жена, глаза её блестели и дрожали, – Отлично! – Проронила она и, попятившись несколько шагов в сторону выхода, улыбнулась с некоторым истеричным выражением лица.

Такова была последняя встреча Калагереевых. Говорящий правду больше создает проблем, чем решает. Супруг вернулся в кабинет и с диким воплем швырнул бумаги в угол. Мы поражаемся, как биологи могут разглядеть всё меньшие и меньшие существа, а астрологи всё ближе и ближе крупные. Но мы совсем перестали замечать друг в друге что-то важное. Для этого не нужны микро или телескопы. Для этого важно иметь всего лишь глаза души. Кому-то нужно пройти через тьму, чтобы увидеть свет и в этой тьме как раз таки и теряется это самое душевное зрение. Как иной раз хочется закурить там, где нельзя, люди 60-ых годов скучают по тому времени, когда для наслаждения едким дымом не было необходимости покидать помещение, будь то хоть рабочее место. Роман хоть и не был курильщиком, но сейчас ему казалось, что одна из сигар в наборе, подаренном ему на день рождения от коллектива, смогла бы снять его моральное возбуждение.

Поскольку мы не должны ничего упускать из виду про-

должим повествование о семье Прокудиных. В тот день им была назначена встреча. Их пригласили родители Вероники на ужин. Пара не торопясь собиралась на выход. Вероника надела легкое коричневое платье свободного покроя и черные теплые колготы. Заплетенные две косички дополнили образ Вероники и сбросили пару тройку лет возраста. Володя не позволил жене затмить его своей красотой. В его одежде не было заметно ни малейшего беспорядка, чего не было раньше. Матовый черный галстук отлично играл дуэт с белой шелковой сорочкой. Брюки были подобраны четко под цвет галстука, пиджак отлично вписал в образ свои синие клеточки. Супруги на мгновение забыли обо всех невзгодах, они смеялись и кокетничали. Их не волновал ни судебный процесс, ни смерть той девушки, они даже не заметили отсутствие старшего сына. Бутылка белого вина добавила блеска в их глаза. Любо-дорого слышать слова, которые супруги могут произносить друг другу только наедине. До дома родителей их подвез коллега Володи. Родители Вероники жили тоже в частном доме только на другом конце города. Жили небогато, получали скудную пенсию. Она бывший главврач городской больницы, отец майор в отставке. Чтобы донести до читателя портрет отца необходимо прибегнуть к трудам немецкого психиатра Алиоса Альцгеймера. Открытое им в 1907 году заболевание было диагностировано у отца Вероники на пятьдесят девятом году жизни. Вышестоящее руководство незамедлительно отправило его в отставку, а госу-

дарство назначило более-менее сносную пенсию и выплаты по инвалидности. Мать и дочь растеклись в объятиях и поцелуях на входе. Отец некоторое время не понимал кто эти люди.

– Заходите, здравствуй зять, вижу по глазам, уже успели до стола где-то надраться! – Широко улыбаясь, говорила мать.

– Да мыл пол бутылочки пока собирались. – Оправдалась дочь.

– Да ладно! – Протянула мать и позвала Веронику на кухню.

Отец и Володя сели за стол. Отец разглядывал зятя как лев коосулю. Володя уже привыкший к поведению тестя, сидел, безучастно поглядывая то на стол, то на экран телевизора.

– Вы опять приехали проверять счетчики? Мы исправно каждый месяц платим за газ! Что вам еще нужно? Сейчас это не уместно, мы с женой ждем мою дочь с ее мужем в гости! – Разразился отец, Володя остался непоколебим.

Женщины, еще до того как присоединиться к мужчинам за стол, дважды принесли в обеих руках по тарелке с разными блюдами. Когда пробка от бутылки шампанского щелкнула, отца осенило.

– Люда! Ты почему не сказала, что моя девочка уже приехала, какая ты уже взрослая, красавица! – Любуясь дочерью, говорил отец.

Дочка ответила благодарностью отцу и скромно заулыба-

лась. Застолье продолжалось. Мать и дочь что-то оживленно обсуждали. Отец вышеописанную фразу повторил еще два раза, Володя больше налегал на шампанское чем на кушанья и взахлеб любовался женой. В разгар веселья отец резко возмущился, бешеным взглядом уперся в Володю.

– Ты!?! Ты как сюда попал? – Продолжая сверлить Володю, нахмурив седые сталинские брови, – это ты моя милая привела его сюда? – Обращался он к Веронике.

– Папа! – Ласковым тоном начала дочь как отец тут же перебил её.

– Этого убийцу! – Рывкнул отец и бросил вилку на стол.

Володя вытер рот салфеткой, поблагодарил тещу за стол и не спеша покинул дом. Женщины перешептывались в прихожей.

– Очень неловко вышло.

– Да брось, мам.

– Откуда он узнал, ума не приложу.

– По всем каналам уже трубят об этом.

– Ааа, а я не смотрю же его, сама знаешь.

– Ладно, как-нибудь утешь Вову, все равно неловко.

– Всё хорошо, мам.

– Ты это, звони, как что-то прояснится.

– Хорошо, пока.

– До свидания, милая.

Вероника вышла за калитку, на дороге курил муж. Она обняла его сзади. Вскоре подъехало такси, на котором супру-

ги добрались до дома. Они сразу, тихими шагами, прошли в свою спальню. Федор еще не спал, брата до сих пор не было дома, и он волновался.

Пока Прокудины наслаждались застольем, Оксана наслаждалась обществом своего психолога. Они уселись рядом на диване, Оксана транслировала отрывок интервью её мужа со своего телефона на телевизор, висевший на стене кабинета.

– Вы только посмотрите! Какое надменное выражение лица. Бесчувственный урод. Я ведь приходила к нему сегодня хотела поговорить, а он при всех выставил меня душой. Зацепился за мой салон и деньги, которые были потрачены на похороны моего отца. Алчный ублюдок.

– Он все еще вызывает в вас бурю эмоций, значит, вы равнодушны.

– Конечно, ведь у меня нет разрешения на расстрел.

Между врачом и пациенткой начали завязываться странные ощущения. Глаза Даниила бегали, он выглядел взволновано. Видеоролик подходил к концу, к тому моменту, когда Павел Сергеевич выдернул Романа из толпы журналистов.

– Звезда! Кичится своими деньгами! – Возмущалась Оксана.

Даниил смотрел на ее губы, поджатые напряженные до мелких складок. Все выражение лица пациентки вызывало в нем бурю непонятных для него эмоций. Оксана почувствовала на себе его пожирающий взгляд и повернулась к нему лицом. В каком-то безотчетном порыве Даниил прильнул сво-

ими губами к ее губам. Два лица соединились в поцелуй. Несмотря на закрытые глаза Оксаны, в её выражении можно было прочесть шок, она резко забыла все свои невзгоды. Даниил очень нежно также с закрытыми глазами произнес в полголоса «Я знаю, как мы с ним поступим».

В прозе допустимы некоторые темы кои невоспеваются в поэзии. Не то чтобы я призывал поэтов к выходу за рамки их прекрасных стилей, просто большинству произведений для выхода в свет не нужно обмазываться грязью, но мы же повествуем о фактах как настоящие журналисты.

Часть вторая

Глава 1. Город S глазами кота

Знаю, читатель, я вам уже надоел с этим своим любимым кафе. Но сегодня у них в меню появились новые пункты, такие как хрустящий тост с вареньем из голубики, медовые оладушки с кунжутом (да, весьма странное сочетание) и бельгийские вафли в кленовом сиропе. Еще один момент и приступим к повествованию второй части. Именно сегодня мой кофе испытывает острую нехватку коньяка, которую исправит металлическая фляжка обшитая кожей. И так, всё готово.

Иной раз человеческое мышление доходит до безрассудных мыслей, казалось бы, что за чушь мне лезет в голову, нужно отогнать её, но нет! Мы поддаемся этому порыву еще сильнее. Готов поспорить что, каждый из вас хоть раз в жизни задумывался – ну вот куда бежит эта бездомная пси-на? Вспоминаете такое? И действительно куда? Какие у нее цели? Чем она движима? Она то и дело останавливается, что-то нюхает, а после бежит вообще в другую сторону. Вздор. Но! А что если посмотреть на окружение глазами другого представителя семейства блохастых? Интересно? Мне тоже.

Выдался теплый денёк и снег подтаял, грязная каша за-

полонила город. Черный кот сидел напротив какого-то развлекательного заведения и тщательно вылизывал правую переднюю лапу. Начинавшийся снегопад отвлек представителя семейства кошачьих от чистки лап, и он поторопился за угол. Шустро завернув за дом, он попал на улицу Некрасова. Вы без труда повторите такой же трюк, но только в ясную погоду. После снегопадов там образуется огромная куча во всю подворотню, которую так ярко игнорируют службы по очистке улиц. Выскочив со двора, он еле увернулся от проезжавшей мимо машины. Близость могилы расширяет горизонт сознания. Правда все старания о чистоте были насмарку, и ушастого забрызгало грязью. Пасмурно, сыро, ветрено и снегопад – чем не идеальная погода для прогулки? Направо по улице стояло здание банка. История напоминает о безумцах, чья неудачная попытка ограбления привела их в тюремное заключение на долгие годы. Современный мир поражает отсутствием современности. Как средневековые глупцы считали, что воровство это легкий заработок, так и по сей день, они не изменили своего убеждения. Громкий визг завладел вниманием кота. По ту сторону улицы пьяный мужик пнул бездомную собаку. Только бездомным животным лучше всех известно, какими ужасными бывают люди. Ушастому это зрелище показалось неинтересным, и он заторопился дальше, задрвав хвост торчком. Навстречу ему шла девушка с таким выражением лица, будто вот-вот заплачет. Она не обратила внимания на милую мордашку и прошла

мимо. Депрессивные люди более интересны и привлекательны. Они мыслят глубже и обращают внимание на все недостатки общества. Оно должно их слушать. Разумеется, утрата чего-либо это неотъемлемая часть становления личности, но, к сожалению, горе это прерогатива лишь юности. Липкие большие хлопья засыпали уже всю головенку кота, пока он смотрел девушке вслед. Ловко стряхнув с себя белену, он направился через дорогу. Там, пройдя за широкое здание, он оказался возле какого-то складского помещения. В поднятые ворота было видно, как человек опрятно одетый с папкой в руке громко отчитывал работягу одетого в поношенный комбинезон. Существует некая истина, которую определенная часть общества поняла, но молчит об этом. Для них это норма. Отсюда следует, что общество нужно делить, даже если хочется считать всех равными. Это далеко не так. Оно поделит само себя.

Город S – город одиночек. Парочки здесь редкость. Люди следовали в свои конечные пункты, размышляли о делах, некоторые что-то обсуждали по телефону. Люди проходили и мельком окидывали взглядом блохастого. Лай бездомных собак спугнул его в сторону большой площади. Там вшивый стал свидетелем бунта. Народ с плакатами чего-то требовал, их требования непонятны животному. Часть людей стояли отстраненно. Разумный человек не жмется к толпе, она ничего нового для него не откроет. Надо признать, что город S наблюдает комедию, которую разыгрывает перед ним го-

сударство. История нашей страны уже давно прописана, и мы наблюдаем бездарный спектакль. Здравомыслящие люди правы, когда смеются над этим, хотя бы лишь в том, что не принимают участия в подобных мероприятиях ведь это уголовно наказуемо в нашей стране. Мнения, так или иначе, разойдутся. Читатель имеет полное право меня осудить. Никогда еще положение дел не было таким смутным и не ясным. В такое время спорить бесполезно, истина скрыта от нас.

Стало холодать. Нужно непременно найти место для ночлега. В решении этой проблемы коту помогал старый ж/д вокзал. Только ему одному среди всех бродячих животных была известна одна потайная лазейка, пробираясь через которую, можно оказаться в тепле и сухости. Вполне сносные условия для бездомного сна. Аккуратно прошмыгнув мимо касс, вшивый проник в большой зал. Сквозняк оказался ему не по душе, и он пошел искать более теплого помещения. В темноте он аккуратной поступью крался, и все время нюхал пол. Зачем он тогда вышел на перрон известно лишь ему самому. Он шел, принюхиваясь, и его черный мокрый нос набрел на широкую лужу крови.

Глава 2. Кровь на перроне

Ночь была очень красива. Белый пушистый снег медленно приземлялся, окутывая город в холодную перину. Надеюсь, читатель знает то удовольствие, когда ложишься холодным вечером в постель, которая так же холодна, и первые минуты согреваешь её своим телом. Потом крепко засыпаешь, слегка подергивая конечностями. Свет в окнах встречался всё реже, а на дорогах остались лишь патрульные машины и такси. Сотни тысяч окон города S, десятки тысяч квартир, но нас интересует только одна квартира и одно из её окон. Надо заметить, что свет в этой квартире давно потух и её жильцы давно согрели постели своим телом, погружаясь в крепкий сон. В окне мелькал свет от фар проезжающих машин, свет этот едва проникал сквозь плотные шторы и никак не тревожил спящих жильцов. Их крепкий сон прервал телефонный звонок. Гаджет начал ползать по тумбочке рядом с кроватью. Мужчина, не открывая глаз, нащупал телефон и одним приоткрытым глазом посмотрел на экран.

– Господи, да за что мне это? – Хриплым сонным голосом проговорил он и ответил на звонок.

– Вам что, больше некого отправить? Я ж просил дать мне пару выходных! Время час ночи! – Возмутился он и после непродолжительных прений сказал, – Скоро буду.

Он сидел на постели и потирал глаза, попеременно делая

глубокие вдохи. Рядом с ним на кровати начались беспорядочные движения. Это была его супруга, имевшая привычку укрываться с головой под одеяло.

– Это был ваш простак? – Спросила она.

– Да, чёрт бы его побрал! На перроне вокзала нашли кровавое пятно, и весь отдел на уши встал, будто первый раз кого-то убили в этом городе.

– Ну тебе же дали выходные! – Возмутилась супруга.

– Не будет у меня выходных, по всей видимости, никогда.

Ему некого отправить и этим должен заняться я.

– Возьми больничный или, в конце концов, ты имеешь

право на оплачиваемый отпуск.

– Этим я займусь позже, а пока нужно постоять с умным видом возле лужи крови.

Муж поцеловал жену и отправился в душ, тихими шагами, чтобы не разбудить дочку в соседней комнате.

Этот мужчина являл собой правосудие города S. Один из самых выдающихся следователей межрайонного отдела, да и в принципе всего города. Главный претендент на повышение трудится в органах с двадцати трёх лет. На данный момент ему сорок. Женат он на великолепной женщине, как он сам ее называет «Маруся». Она же в свою очередь иногда наносила легкий удар в крепкое плечо мужа из-за кокетливой обиды на такое прозвище. Мария разделила со своим мужчиной его фамилию одиннадцать лет назад. Когда она узнала, что этот brutальный, крепкий, темноволосый мужчина

поклонник женских романов. Они встретились на ярмарке книг где «Маруся» презентовала очередное свое детище. Когда брутал подошел получить свой автограф, в глазах писательницы начала разгораться маленькая искорка, превратившаяся в катастрофический пожар. И так по сей день они в нем горели – Мария и Давид Тавади. Да, правильно читатель рисуешь образ кавказских людей. В этой паре корни из жаркой части нашей страны имел муж. Уроженец Владикавказа нашел себе место скромного полицейского в городе S и спустя годы успешной работы претендовал на место руководителя межрайонного следственного комитета. Телосложением он был Аполлон. Тёмные объемные волосы он зачесывал на бок. Овальное щетинистое лицо обрастало морщинами, а под густыми черными бровями сверкали голубые глаза. Крепкий высокий Давид даже в свои сорок лет держался молодцом. Мария же была русской девушкой. Светловолосой стройной красавицей, покорившей Давида сначала своим слогом, а потом уже внешностью. Пару редко можно было встретить гуляющими по улице из-за загруженности на работе Давида, но если такое случалось, то они собирали восхищенные взгляды всех прохожих. Зачастую Давиду приходилось делать фото своей жены с её поклонниками, что его несколько не утруждало, а наоборот, успех жены его очень радовал. А семь лет назад фамилию Тавади получила еще одна женщина на этой планете, у пары родилась дочь Алия. Переняв черные волосы и голубые глаза отца, и наикрасивей-

шие очертания лица и стройную фигуру матери, Алия росла прекраснейшим ребенком. Он проявляла интерес к музыке и литературе. Юридические науки ребенка совсем не интересовали, что очень радовало отца.

Давид смотрел на себя в зеркало. Мешки под глазами говорили об усталости, краснота глаз начала постепенно исчезать. Он зачесал волосы, почистил зубы и вышел в зал подобрать одежду. Среди десятка белых, так обожаемых Давидом рубашек, он выбрал белую, но по непонятным соображениям совсем иную, не такую как остальные. Он облачил свой широкий торс в плотную белую ткань, накинул пальто и проверил наличие ключей от своего автомобиля в кармане. Спустя минуту свет в квартире опять потух и «Маруся» осталась спать в одиночестве.

Город крепко спал, но вот на вокзале творилась суеда как днем. Криминалисты делали фото места происшествия, патрульные разгоняли зевак. Работники вокзала растерянно стояли в стороне с испуганными лицами. Давид вышел на перрон и осмотрел площадку. К нему подошел его помощник с двумя закрытыми стаканами кофе и один передал своему руководителю.

– Труп обнаружили? – Спросил Давид.

– Пока нет.

– А орудие убийства?

– Работаем над этим.

– Где сотрудники охраны? Нужно запросить записи с ка-

мер.

– А вот тут, юноши, я вам ничем не помогу. Уже два месяца администрация города пытается починить систему видеонаблюдения, ну, или, по крайней мере, пытается. – Вмешался в диалог со стороны седовласый усатый охранник.

– То есть, вы хотите сказать, что именно на этой площадке не ведется видеонаблюдение? – Спрашивал Давид.

– Я хочу сказать, что нигде на территории вокзала не ведется видеонаблюдение. – Отвечал старик.

Давид шепотом выругался, запрокинув голову вверх, а потом сильно зажмурил глаза, приставив к ним пальцы левой руки.

– Как там Простак? Опять, наверное, слюной брызжет, чтоб к утру дело было раскрыто? – Продолжал Давид с помощником.

– Ну, ты же его знаешь! – Было ответом.

Сотрудники подошли ближе к кровавой луже, на первых путях копошились криминалисты.

– У нас вообще есть хоть какая-то зацепка? Свидетели? – Не успел договорить Давид, как с путей послышалось громкое «Здесь!».

Очевидно, криминалист что-то нашел. Напарники заторопились к нему. Возле вещдока была выставлена желтая табличка с цифрой 1, что означало первую улику. Криминалист сделал фото. Уликой оказалось окровавленное лезвие бритвы. Оно было аккуратно упаковано в спецпакет при помощи

пинцета.

– Возьмите кровь на анализ и сравните с кровью на лезвии. Мы будем в отделе ждать результатов. – Распорядился Давид.

Вся территория подверглась тщательному обыску, который не дал положительных результатов. Подтвердить версию убийства без трупа невозможно, а версию суицида тем более. Напарники отправились в отдел дожидаться результатов анализа.

Вероника Андреевна случайно проснулась в три часа ночи. Она пребывала в каком-то тревожном, непонятно из-за чего для нее самой, состоянии. Она вышла на кухню, попила воды и прошла в комнату сыновей. Федор, кажется, спал, не разглядеть в темноте, но как минимум присутствовал в своей постели, чего никак нельзя было сказать о его старшем брате. Хоть такое и случалось, но довольно редко Мишка позволял себе на такой долгий срок пропадать из дома. Вероника закрыла дверь комнаты, но и она и младший сын ощущали тревогу в своем сознании. Материнское сердце чувствовало неладное, также как и братское. Мать совершила звонок старшему сыну, но вместо привычных слов услышала о том, что абонент временно недоступен. Успех в попытках отогнать тревожные мысли не был достигнут и оба они пролежали до утра с открытыми глазами.

Около семи часов утра проснулся Володя. Он застал жену, сидящую на кровати. Она хлопала глазами, уставив взгляд

на стену, а руки ее были заложены одна за другую на груди.

– Чего не спишь? – Прохрипел Володя.

– Миши нет дома! – Отрезала Вероника.

– Ну, гуляют с той девчонкой, наверное, первый раз что ли.

– Я чувствую, что что-то не так.

– Перестань, он разумный парень, всё хорошо.

Таков был диалог Прокудиных утром в постели. После Володи встал и пошел умываться.

Давид шел по коридору отделения, когда тот самый «Простак» встретился ему у дверей туалета.

– Ну что там с пятном крови? – Вытирая руки, спросил руководитель отдела.

– Наверное, уже вытерли. – Спокойно обронил Давид.

– Давай без шуток, мне эти лужи крови уже вот здесь! – Он пошлепал себя ладонью по шее.

– Пока ждем результатов анализа крови, также на месте было обнаружено лезвие испачканное кровью. – Отчитался Давид.

– Работайте! – Скомандовал в полголоса Простак и удалился вглубь коридора в своем бежевом брючном костюме.

Он с силой захлопнул за собой дверь кабинета, на которой чуть не отвалилась табличка «Простой Эдуард Степанович». Руководитель межрайонного следственного комитета». Пока Давид умывал лицо перед зеркалом в туалете, на его телефон пришло сообщение о готовности результатов. Необходи-

димо было получить заключение на руки и приобщить к делу. Бумаги Давид отправился получать лично и спустя полчаса уже изучал их в своем кабинете. Помощник в это время зашел в кабинет и сходу спросил:

– Чья кровь?

Давид, нахмутив брови, вчитывался, не обратив на него никакого внимания. Так продолжалось с минуту.

– Я не могу понять никак... – Вдруг произнес Давид.

– Что?

– Это кровь жены нашего главного прокурора, Калагеревой Оксаны Владимировны. Обычно если таких особ убивают, то в городе поднимается шумиха.

– Чего же мы ждем? Поехали допрашивать прокурора! – Решительно заявил помощник.

– А ты я смотрю вообще бесстрашный. – С улыбкой заметил Давид, и напарники направились к выходу.

Город к тому моменту начинал лениво просыпаться. Мало-помалу собирались пробки, народ толпился на автобусных остановках. Погода до сих пор стояла теплая, а небо сохранило свинцовый цвет. Каждый снегопад являл собой невероятную неожиданность для коммунальных служб как гром среди ясного неба. Засыпанные сугробами дороги препятствовали городскому трафику, так же как и сотни единиц техники, поспешно выехавшие на уборку в час-пик. Вероника так и не сомкнула глаз. Бессонница, как и сон полна видений в связи с чем, она выстроила ряд ужасных про-

исшествий в своем сознании. Володя уже давно отправился на смену, в такое утро обычно у водителей такси идет хороший заработок. Вероника сидела, не отводя глаз от противоположной стены, и вдруг резким движением она схватила телефон. Трясущиеся руки с трудом попадали на нужные цифры. Несмотря на то что, номер полиции не такой уж и сложный, но в таком состоянии набор двух цифр потребовал от растерянной матери титанических усилий. В разговоре с дежурным Вероника поддалась панике, и успокоить ее было трудно. Сотрудник спросил, когда последний раз она видела сына, а это было только позавчера, тогда он поспешил успокоить материнскую душу тем, что он еще вернется. По причине того, что дети в девяносто процентов подобных случаев благополучно возвращаются домой, заявление о пропаже принимается только на третьи сутки. Что за ужасные порядки возмутилась мать, уже бросив трубку. Откуда им известно, что он вернется, а вдруг ему уже нужна помощь. Федя зашел в спальню родителей, услышав громкие возмущения матери. Она мигом окутала его своими объятиями и прислонилась горячей щекой к его лбу.

Глава 3. Не ходи за мной я сам заблудился

Пребывая весь день в приподнятом настроении, не замечаешь, как пролетает время. Твоему взору становятся недоступны все невзгоды и тяготы мира сего. Непонятным наитием выставлен крепкий блок от негативных эмоций, и светлый позитив бьет из тебя ключом. Каждый творец, существовавший, или по сей день существующий, желает пребывать в таком состоянии если не постоянно, то гораздо чаще, чем это происходит на самом деле. Именно в такие минуты Огюст Роден создал своего «Мыслителя»; поймав такой же поток внутри себя, в 1890-ом году сэр Оскар Уайльд описывал своего Дориана Грэя. Среди наших соотечественников отличился Серов Валентин Александрович – в 1887-ом году он, по всей видимости, пребывал на пике того самого состояния когда набрасывал черты «Девочки с персиками». Однако есть и обратная сторона медали. Человек не всегда признавал детища творцов, будучи непоколебимо убежденным, как баран, в своих плоских принципах. Мы плевали в лицо Галилео, пытали Джордано Бруно; отправляли в ссылку Николая Клюева и расстреляли Бабеля. Даже современный деятель культуры ходит по лезвию ножа. Потребителю нужно давать только то, что разрешено. Искусство в некоторой степени снизошло до экономики. Однако отгоним же сумрак прошлых лет в сто-

рону и продолжим повествование, которое я сегодня веду не из любимого кафе, которое наверняка уже опостылело читателю, а сидя на лавочке во дворе незнакомого мне дома.

Роман Захарович пребывал на слушании дела, в то время когда сам начал становиться частью одного из них. Напарники следственного комитета, сидя у дверей зала, дожидались окончания заседания. Когда двери зала отворились, народ с тихим говором начал разбредаться по коридору. Давид начал искать прокурора взглядом, каким охотник осматривает лес в поисках дичи. И вот Роман с портфелем в руке торопится на выход, следователи поспешно соскочили со скамейки и остановили первого подозреваемого в начинающемся деле.

– Роман Захарович, уделите нам пару минут, мы бы хотели задать вам несколько вопросов. – Обратился к нему Давид.

– Конечно, господа, прошу вас в мой кабинет. – Вежливо ответил Роман и рукой указал следовать за ним.

Все трое зашли в кабинет прокурора. Следователи предпочли отказаться от напитков и вести переговоры стоя, хозяин кабинета же поступил совершенно наоборот.

– Дак какое же у вас ко мне дело, уважаемые?

– Я следователь межрайонного комитета Давид Тавади, это мой помощник Степан. Мы прибыли задать вам несколько вопросов касательно вашей жены.

– Что-то произошло, Давид?

– Скажите, когда вы последний раз видели свою супругу?

Этот вопрос ввел мужа в заблуждение, напарники переглянулись.

– Роман Захарович, – окликнул его Давид, – отвечайте.

– Кажется, позавчера я слышал, как она вернулась домой вечером.

– Вы заметили за ней что-либо странное?

– Я только слышал, что она пришла, но не видел её. – Замялся Роман.

– У вас какие-то проблемы, Роман Захарович?

– А что, собственно говоря, произошло? – С ошеломленным взглядом спросил Роман.

– Этой ночью на перроне вокзала была обнаружена лужа крови. По результатам анализа кровь принадлежит вашей супруге. Тело не найдено. – Отрапортовал Давид.

– Господи. – Промолвил Роман Захарович, закрывая лицо ладонями.

– Ваша супруга выходила на связь последние сутки? Вы хоть как-то контактировали с ней?

– Нет. Знаете ли, дела семейные, тонкие, мы не совсем ладили последнее время, – растеряно говорил Роман, – но вы же не думаете, что это я убил свою жену?

– Наше дело не думать, а собирать факты. – Отрезал Давид.

– Ваша дочь сейчас дома? – Втесался помощник.

– Должна быть в школе, она подросток, знаете, может, гуляет где-то. – Лепетал Роман Захарович.

– Ясно, значит со своей семьей вы не в ладах? – Подловил Давид.

– Не то чтобы не в ладах, период созревания сам по себе предполагает частые скандалы и недопонимания. – Начал оправдываться супруг.

– А у жены вашей тоже период созревания?

Роман Захарович потерял голову как под гильотиной.

– Нет, вы меня не понимаете, я бы ни за что не пошел бы на такое! – Торопливо произнес Роман, как тут же Давид его перебил.

– Роман Захарович, я настоятельно рекомендую вам не покидать город до выяснения всех обстоятельств. Вот моя визитка, сообщите, как будет хоть какая-то информация.

Напарники покинули кабинет прокурора, а сам прокурор остался сидеть с растерянным выражением лица.

К полудню Давид должен был отвести свою дочь в школу, ко второй смене. Он приехал домой к двенадцати часам, малышка еще спала. Красивые люди спят долго. Жены дома не было, отец приготовил тосты с вареньем и какао. Разбудил дочь и сел пить кофе на кухне. Пока Алия умывалась, отец смотрел в окно, пар из кружки поднимался до его щетинистого подбородка. День становился ясным, что способствовало понижению температуры воздуха. Для Александра Сергеевича Пушкина такой день был чудесным, но вот жители города S все же предпочли бы тёплую погоду. Алия с удовольствием уплела тарелку тостов и пошла собираться. Спу-

стя несколько минут они уже выходили из подъезда. Школа находилась недалеко от дома, в пешей доступности и вот уже подходя к её воротам, отец спросил, не обижает ли ее кто-либо из класса.

– Нет, все хорошие. – Детским тонким голоском отвечала Алия.

Отец преклонил колено перед малышкой и проговорил, поправляя ей куртку:

– Никогда не обращай внимания на тех, кто пытается тебя обидеть, они это делают лишь от того, что обиженны сами, но их обидчик куда страшнее, чем посторонний человек, это их жизнь.

Алия кивнула головой два раза и побежала на крыльцо школы. Давид проводил ее взглядом и побрел обратно в сторону дома, к своему автомобилю.

В доме Прокудиных царило напряжение. Федя, в силу детской наивности, не подавал виду, хотя в глубине души он понимал, что что-то не так с его братом. Родители не находили себе места. Володя бросил работу и уехал колесить по городу в поисках сына. Наугад он заезжал в парки, скверы и торговые центры города S. Мать находилась в том неясном состоянии, когда нет ни единой зацепки, по которой можно было хотя бы предположить местонахождение и судьбу своего сына. Материнское сердце замерло много часов назад, но тело каким-то фантастическим образом продолжало жить. Растерянность в полном своем обличии поглотило все

сознание Вероники, метаясь от калитки к дому, она все же не теряла надежду увидеть Мишку, бредущего беззаботно домой. Были совершенны еще несколько звонков в полицию и каждый раз получены одни и те же ответы. Ждать еще сутки не представлялось возможным, халатность полиции подтолкнула Веронику на самостоятельный поиск сына. Она решительно направилась в дом к «этим людям», которые по её мнению были виноваты во всех горестях её семьи. Добежав до конца улицы она остановилась и в смутном исступлении поняла, что совершенно не знает куда идти и какой адрес был у того дома. Развернувшись, она направилась домой и позвонила мужу. Его поиски не давали никаких результатов. Так продолжалось до следующего дня. Попытки привлечь к поискам полицию наконец-таки увенчались успехом – дежурный пообещал Веронике, что до обеда текущего дня их навестит должностное лицо и предпримет необходимые меры. Субботнее утро в следственном комитете ничем не отличалось от будничного. У этих людей выходных нет. Давид свежий, выспавшийся и гладко выбритый зашел в свой кабинет и обменялся рукопожатием со своим помощником. Сию минуту их навестил начальник.

– Давид, есть одна странность, я уверен ты разберешься. Уже второй день нам звонит какая-то женщина и слёзно уговаривает помочь ей найти сына, который третьи сутки не появлялся дома. Его телефон недоступен. Она через фразу повторяет фамилию нашего главного прокурора, мол, якобы их

сын дружил с дочерью Калагереева. А его жена, как нам известно, непонятным образом, оставила вчера лужу крови на вокзале. Разберись, вот адрес.

Давид, молча, взял листок и прочитал адрес. Также, не произнося ни слова, кивнул головой и положил его в карман.

– Что с его женой? Есть хоть какие-то зацепки?

– Пока нет, работаем.

Начальник по своей привычке громко хлопнул дверью и оставил напарников наедине.

– Первым делом навестим родителей пропавшего, а после получим разрешение на обыск. Сдается мне, какую-то кашу заварил наш прокурор. Я зайду в архив, а ты жди меня внизу. – Скомандовал Давид и покинул кабинет.

Следующий час они провели в доме Прокудиных. Давид сидел в кресле, Степан расхаживал по дому, Вероника с бледным лицом сидела на диване по правую сторону от Давида. Помощник, осматривая дом в поисках чего-либо подозрительного, набрел на детскую комнату, где сидел Федя. Он с улыбкой подмигнул мальчишке и не стал отвлекать его от детских занятий. В зале состоялся следующий диалог:

– Вы знаете, Михаил очень послушный мальчик. Да, он подросток, да, он пропал, бывало до утра, но чтоб надвое суток, отключив телефон, такого не было никогда.

– И вы полагаете, что в его пропаже замешана дочь главного прокурора?

– Они долгое время дружили, всегда гуляли вдвоем, я не

знаю о чем думать уже. Этот судебный процесс, вы знаете? – Пуская слезу, бормотала Вероника.

– Да, мне известно, мы уже навестили прокурора, он никаких подозрений не вызывает. Он не отрицает существование некоторых семейных проблем, которые привели к уходу его жены.

– Еще бы он отрицал, уже полгорода знает об этом. – Лепетала Вероника

– Я сегодня же получу документ, который позволит мне провести обыск в их общей квартире. Так же нам стало известно, что Оксана держит салон красоты, и туда мы тоже нанесем визит. Обязательно найдется какая-нибудь зацепка.

– Позвоните мне обязательно как что-нибудь выясните. – Вытирая слезы, пробормотала Вероника.

Помощник зашел в зал и обменялся взглядом с Давидом, в котором читалось что-то вроде «Никаких подозрений, можно уходить». Служители закона проследовали к выходу, на прощание Давид попросил Веронику сохранять спокойствие и заверил ее, в благополучном исходе всего дела.

Давид и Степан направились за разрешением на обыск, по пути Давиду позвонила его супруга. Она была на встрече с издателем, которая прошла успешно. Документ с указанием крупной суммы, являвшейся авансом за права издавать её новую книгу, был подписан и передан бухгалтеру. Сияя улыбкой, Мария позвонила мужу поделиться радостным известием.

– Представляешь? Это втрое больше, чем мне заплатили в прошлый раз! – Удивленно восхищалась она.

– Я рад за тебя дорогая, но, кажется, оценить твои труды не возможно. И этой суммы мало.

– Я буду дома часам к пяти, ты не забыл какой сегодня день?

Давид закатил глаза.

– Нет, конечно, нет, дорогая. Я, правда, не знаю, во сколько освобожусь, тут дело такое запутанное.

– Ты как всегда, может хотя бы на один вечер эти дела подождут.

– Я постараюсь как можно раньше. И я тебя люблю. – Давид положил телефон на панель приборов и обернулся к парнику.

– Ничего не поделаешь, круглая дата, сегодня освободимся пораньше. – Проговорил он и слегка улыбнулся одним уголком рта.

Несмотря на то, что у Романа Захаровича не было никаких поводов торопиться домой, он покинул прокуратуру в этот же час, когда Давид получал разрешение на обыск. На входе его снова окружили репортеры. Роману каждый раз льстил столь повышенный интерес прессы к его личности, но к такому вопросу он не был готов.

– Роман Захарович, это правда, что вчера на перроне вокзала была найдена лужа крови, которая принадлежала вашей жене? – Налетела на Романа одна из журналисток с микро-

фоном в руке, за ее спиной следовал оператор.

– Следствие подтверждает этот факт. – Отвечал Роман.

– Вам известно, где сейчас находится ваша супруга?

– Нет, этим занимаются правоохранительные органы, а сейчас прошу меня извинить. – Он прорвался через толпу репортеров и сел в такси.

Этот короткий видеоролик попал в новостные сюжеты одного из главных каналов города S спустя пару часов. Лилия натирала бокал, стоя за барной стойкой, когда на экране телевизора она увидела до боли знакомую личность. Лицо ее приняло строгое выражение, она с громким стуком поставила бокал на стойку и удалилась в подсобное помещение. На ее короткое сообщение о необходимости встречи сегодня вечером Роман ответил согласием. На том их переписка закончилась. Навсегда.

В доме Даниила, семейного психолога, царило веселье. Оксана за бокалом вина примеряла весь имеющийся гардероб перед своим уже бывшим врачом. Раз за разом он высказывал восхищения в адрес прекрасно сложенной фигуры Оксаны. Телевизор, фоном вещавший различные программы, привлек к себе внимание. От него прозвучал до боли знакомый ей голос, и она уставилась в экран.

– Ты только посмотри на него, невозмутимый как всегда. – С озлобленным видом произнесла Оксана.

Даниил ревниво поторопился переключить канал.

– Может, хватит уже о нем?

– Нам нужно проверить кое-какое дело. Криминальное. – Засмеялась Оксана.

– Хочешь, чтоб он и тебя посадил?

– Нет, мне нужно выкрасть кота. Моего. Ты же не против кошки в доме?

– Нет, я всегда хотел завести себе.

– Но это же не будет считаться грабежом, ведь у меня есть ключ. Хотя, впрочем, не важно, обратно по пути возьмем еще вина.

Они продолжили своё увлекательное занятие, и дом снова наполнился восхищениями. Остаток белого грузинского вина был разлит по бокалам. Кружевное белье разбрасывалось по всему белому лохматому ковру. Художника вдохновляют женские изгибы, поэта бескрайняя душа, романиста образ и характер; все трое нашли бы в этой картине каждый свое. Её нагое тело было сложно разглядеть из-за яркого света, проникавшего в окно. Каждый творец дополнит недостающие детали картины своей фантазией, никакое даже слишком смелое решение не опошлilo бы этой картины до низменных инстинктов.

Вино раскрепощает, придавая немного красноты коже лица, ликер притупляет мыслительный процесс, превращая распитие в некую медитацию. Водка же больше приносит пользы в медицине, нежели на столе. Виски напиток богатых, бутылка такого аперитива обычно красуется на полках людей не ниже средней руки. Шампанское напиток игривых

женщин, оно превращается в отличную снасть в руках опытного охотника. Рюмка коньяка прекрасно сочетается с военной формой, а пиво это лакомство портовых грузчиков в 19-ом веке, впрочем, как и по сей день.

Роман Захарович вышел из лифта на своем этаже, держа пальто в руке. Давид в дуэте с верным помощником уже дожидались его у двери квартиры. Все трое обменялись холодным взглядом, звон дверного замка отразился от бетонных стен дома, после чего Давид поднял лист бумаги перед лицом прокурора, на котором красовалась размашистая подпись судьи окованная синей печатью закона. Роман гостеприимно указал напарникам на вход в квартиру. Будучи уже в коридоре они разошлись по разным сторонам. Медленными шагами они расхаживали и внимательно разглядывали фотографии в рамках. Степан взял одну в руки и спросил «Это вы в горах Краснодарского края?». Хозяин дома кивнул головой, а Степан, любуясь фотографией, произнес лишь «Прекрасные там виды». Кот, который не подозревает, какое коварное похищение в эту минуту задумала его хозяйка, сидел на подоконнике. Он никак не отреагировал на присутствие посторонних людей. Давид зашел в комнату Сони. Типичная девчачья комната. Плакаты на стене, множество разноцветных светильников, безобидный бардак на столе и кровати, богатый гардероб из которого только кофты с капюшоном были поношенны куда сильнее, чем платья. Давид выдвинул нижнюю полку стола, под различным барахлом он нашел

дневник. Чтение столь личного документа можно считать непростительным нарушением личных границ, но следователя это не волновало. Впрочем, ничего необычного на его страницах он не обнаружил, последней записью было стихотворение, очевидно недописанное.

«В моих глазах не прочесть той боли,
Которую я в себе храню.
И не закрасить алкоголем
Волос девичьих седину...»

Он захлопнул дневник и покинул комнату. Тщательный осмотр продолжался около часа, но никаких подозрений обстановка этой богатой квартиры у блюстителей закона не вызвала. У выхода из квартиры Давид напомнил Роману о запрете выезда из города, который на данный момент носил лишь рекомендательный характер. И о том, что игнорирование этой рекомендации возведет его в ранг главного подозреваемого в этом деле. Роман тихонько закрыл входную дверь и прошел на кухню. Достал широкий низкий бокал и бутылку виски из холодильника. Первый бокал был выпит залпом, напиток своей крепостью сморщил лицо Романа. Он посмотрел на бутылку и отпил напиток из горлышка. Вторая порция пошла без помех. Подходило назначенное время встречи с Лилией, бутылка была почти допита. Роман Захарович немного шатался, легкая улыбка проступала на его лице. Виски одержал власть над его кровеносной системой,

глаза заблестели как у юного мечтателя. Он набросил на свои плечи пальто, немного замешкался на выходе и вернулся на кухню. Из холодильника он достал еще одну бутылку виски, выходя из квартиры, он прихватил ключи от своего автомобиля. Меня это удивило тоже, ведь как мы все помним, Роман предпочитал такси, а его автомобиль годами пылился во дворе. Уже темнелось. Свой автомобиль он нашел без труда, дело ясное, сугроб в углу придомовой парковки прятал его уже который месяц. Роман Захарович неловко стряхнул снег с водительской двери и сел за руль. Окна роскошного седана моментально запотели, дорогостоящая кожа, которой были отделаны сиденья, закрипела под весом водителя. Двигатель, несмотря на длительный простой, запустился за считанные секунды. Яркий свет фар озарил двор. Непонятно, то ли сугроб двинулся с места, то ли автомобиль то был, но оно покатилося по двору, два красных огонька сияли из-под снега. В точно назначенное время он припарковался возле бара, в котором подрабатывала Лилия. Она со строгим выражением лица закрыла бар и подошла к проезжей части, осматриваясь по сторонам. Роман ногой выпнул пассажирскую дверь, снег осыпался в салон и на сиденье. Лилия ошарашенная смотрела на него.

– Садись, чего ты ждешь?

– С каких пор ты водишь машину?

– С сегодняшнего дня. Я решил начать новую жизнь! –

Улыбаясь, говорил Роман.

Лилия стряхнула снег с сиденья и, придерживая платье, села в машину. Автомобиль тронулся и продолжил движение прямо по проспекту.

– Как прошла смена?

– Относительно спокойно. Я хотела бы с тобой поговорить.

Роман достал с заднего сиденья бутылку виски, зубами выдернул пробку и плюнул её на панель приборов.

– Господи, да ты же пьян, что ты вытворяешь?

– Не переживай, я главный прокурор в этом городе, все в порядке.

Лилия неодобрительно смотрела на то, как он пил из бутылки прямо на ходу.

– Я видела в новостях сюжет, они спрашивали о пропаже твоей жены и дочери, почему ты мне сразу не сказал?

Роман погрузился в безмолвное молчание.

Зачем было разыгрывать этот спектакль? Ты хотел воспользоваться мной? Отвечай! Где кольцо на твоём пальце?

Двигатель начал стремительно набирать обороты.

– Прекрати это баловство, люди могут пострадать из-за тебя!

От этих высказываний Роман Захарович пришел в сильнейшее раздражение. Яростное выражение лица и рев мотора на фоне не на шутку испугал Лилию. Белый седан на бешеной скорости пролетал перекрестки и вызвал подозрение у инспекторов дорожной службы. Кузов автомобиля был

наполовину покрыт снегом, что ограничивает обзор водителя и делает нечитаемым номерной знак. Машина достигала лишь половины своей допустимой скорости, судя по приборам. Лилия в слезах кричала на Романа и просила его остановиться. Проблесковые маячки засверкали позади автомобиля, что было видно лишь в боковые зеркала. Инспектор в громкоговоритель произнес законное требование остановить автомобиль, но водитель проигнорировал. Педаль газа была утоплена до коврика, автоматическая коробка передач сработала моментально и дала сильный толчок автомобилю, резко прижав Лилию к спинке сиденья. В продолжение нескольких минут любовница прокурора перечислила все известные ей оскорбительные слова. Патруль продолжал преследование. Роман выполнил опасный поворот на одном из перекрестков и постепенно начал останавливать машину. Когда патрульная и преследуемая машины остановились, инспектор мигом выскочил из пассажирской двери и подбежал к водителю. Роман спокойно опустил окно. Лилия назвала его идиотом, вышла из машины и хлопнула дверью.

– Я смотрю, пассажирка не в восторге от вашей манеры вождения, – инспектор светил фонариком в салон автомобиля, ослепляя пьяные глаза Романа, – Старший сержант Боровиков, предъявите ваше водительское удостоверение и документы на автомобиль.

– Вот, пожалуйста. – В полголоса ответил Роман, передавая документы.

После непродолжительного изучения инспектор вымолвил «Негоже такому высокопоставленному лицу садиться за руль в нетрезвом состоянии», он махнул рукой напарнику.

Напарник был младшим сержантом. Это был первый патруль в его службе.

– Вот бери документы и составляй протокол отстранения. Я остановлю понятых. Он пьян. – Распорядился Боровиков и повернулся в сторону проезжей части.

Младший заторопился в патрульную машину.

– Как вы говорите ваша фамилия? – Обратился Роман Захарович к инспектору.

– Боровиков.

– Знаете, а я могу быть вам очень полезен, не ваш ли родственник несколько дней назад, будучи в таком же состоянии как я, избил бедолагу возле кафе?

Инспектор молчал.

– Я мог бы подергать за все необходимые рычаги, дабы суд признал это как самозащиту.

– Вы же понимаете, Роман Захарович, что это служба, это долг, я не могу.

– Что ж, придется ему годиков восемь отдохнуть за счет государства.

Инспектор с задумчивым выражением лица пошел к служебной машине, перекинулся парой слов с младшим и вернулся к нарушителю.

– Роман Захарович, я надеюсь, этот разговор останется

между нами, – он протянул ему документы, – сейчас единственная проблема в том, что камера патрульной машины пишет, нам нужно разыграть на нее сценку в виде изъятия вашего транспортного средства с последующим размещением на штрафстоянке. Это наименьшее неудобство, которое я могу устроить, и тем более это самый безопасный выход для всех.

Роман кивнул, сложил документы и захватил бутылку виски, припрятав её во внутренний карман пальто. Эвакуатор не заставил себя долго ждать, и роскошный автомобиль продолжил свое движение уже не своим ходом.

Он побрел пешком наугад. Мимо домов и темных дворов. Собачий лай сопровождал его почти всю дорогу. Он раз за разом делал глотки виски уже не чувствуя его крепости. Ноги непослушно запинались, а сам он шатался из стороны в сторону. Интуитивно он направлялся в сторону дома, но где сейчас находился не имел никакого понятия. По приказанию внутреннего компаса он невольно свернул с широкой улицы во двор и потащился прямо. Шел мимо барачков, на крыльце плакала пьяная женщина, а рядом вылизывался кот. Роман окинул их презренным взглядом, отпил из бутылки и побрел дальше. Спальный район граничил с ж/д путями, проходящими над проезжей частью. Он поднялся через кусты наверх и очутился у начала моста. Медленно и неловко начал перебираться через железную дорогу. Слева от него, за мостом слышался шум колес. Свет фонаря осветил пути до кон-

ца моста. Машинист подал два продолжительных гудка перед въездом на мост. Проехав его на треть, он заметил человека, который запинаясь, переходил пути, машинист начал подавать короткие гудки. Роман, будучи изрядно пьяным, не замечал ничего вокруг и продолжал движение. Состав, проехав уже почти весь мост, издал мерзкий металлический свист, машинист дернул стоп-кран и подал безостановочный гудок. Роман ослеп от яркости фонаря, какие-то считанные секунды отделяли его от беззаботной жизни на том свете. В непонятном для себя порыве, будто какая-то невидимая рука его толкнула в спину, он рванул вперед и запнулся о вторую рельсу. Всем весом тела он упал и покатился к следующим путям, противный свист колес закончился, а гудок заглох. Тяжелая стальная махина промчалась мимо. Роман стоял перед ней на коленях, как перед алтарем, виски растекался по его пальто из разбившейся бутылки. Он до крайности испугался смерти, надо было всего лишь оглянуться по сторонам. Его лицо тогда не смогло скрывать ужаса, и он дал слабину. Спустя несколько минут он поднялся с колен, вытащил все осколки от бутылки из кармана и уверенно пошел дальше. Выброшенный в кровь адреналин погасил алкогольное опьянение. Примерно через час он оказался на своей улице, мелкими торопливыми шагами он направлялся по обочине. Пятно от виски замерзло. Получив легкое обморожение, его уши покраснели, а лицо приняло бледный цвет. Никогда еще он не был так рад приходу домой. Рухнув на

диван, он уснул, пятно виски начало таять, заполняя запахом спирта всю комнату.

Тем временем Оксана и Даниил, заливаясь смехом, кидались снежками друг в друга по пути до бывшего места жительства теперь уже бывшей жены прокурора. Оксана резко остановилась.

– Что такое?

– Машины нет, странно, он никогда ее не трогал.

– Да и какое тебе дело теперь?

– Действительно. – Отрезала Оксана, и они зашли в подъезд.

На пороге квартиры она почувствовала резкий запах спиртного и прислонила указательный палец к губам, при этом сильно прошипев. Даниил тихо рассмеялся и заразил Оксану. Оба они неловко ввалились в квартиру.

– Ничего себе квартирка то у вас.

– Тихо, он опять пьяный спит.

– Фу, господи, что это за пятно на нем? – Заметил он.

– Убогий придурок. – Отозвалась о своем спящем муже Оксана и закрыла дверь в комнату.

Кот учуял хозяйку и радостно замаякал у нее в ногах, она нащупала его в темноте и взяла на руки.

– Там на кухне его тарелки, вот его лежанка, давай в пакет всё.

Кража продолжалась несколько минут.

– Подожди. – Произнесла шепотом Оксана и открыла хо-

лодильник.

Оттуда она достала бутылку вина и аккуратно положила в пакет с вещами кота. Они на цыпочках покинули квартиру. Выйдя на лестничную площадку, они закатились смехом. На протяжении всего пути они гладили кота, который крепко вцепился лапами в хозяйку. Таков был её последний визит в эту квартиру.

Глава 4. Даже у дьявола есть адвокат

Наступали новогодние каникулы. Всюду царило веселье, и сверкали улыбки граждан. То новогоднее настроение, которое так отчетливо ощущается в детстве и не покидает человека в зрелом возрасте. От наплыва проблем и стрессов оно немного ослабевает, но всё равно ютится где-то в глубине души. Взрыв петард, выстрелы фейерверков всюду напоминали о наступлении всеми любимого праздника. Торговые площади заполнялись мандаринами, шампанским и конфетами. Очереди на кассах увеличивались пропорционально пробкам на дорогах. Во всех домах на окнах сверкали гирлянды кроме одного – дома Прокудиных. Жители этого дома не заметили наступление нового года, казалось и не заметили бы даже стихийного бедствия. Помимо пропажи Мишки приблизилась дата суда Володи. Он, молча, существовал все последние дни в ожидании этой даты. Он и его жена, оба, молча, жили, с бледными лицами и синяками под глазами. День суда был последним рабочим днем перед новогодними праздниками. Апелляции суд принимал уже на следующий год. Следственный комитет немного выдохнул. Даже преступники в это волшебное время прекращали свою противозаконную деятельность. Ранним утром Степан уже был в кабинете, когда Давид зашел, состоялся следующий диалог:

– Я был у Оксаны в салоне красоты. Работницы сказали,

что директор ведет дела дистанционно, заработные платы начисляются бухгалтером. Там не получится выйти на нее. Также я навестил её мать, она постоянно повторяла, что её дочь умница, и она все делает правильно, а где она находится ей неизвестно. Кстати у меня есть знакомый, он руководит поисковой группой, они готовы начать поиски хоть сегодня.

– Во сколько ты встал? – Удивленно и, прищуривая глаза, спросил Давид.

– Плохо спалось. – Обронил Степан.

– Ладно, поисковикам мы дадим отмашку, пусть будут готовы сегодня. – Отрапортовал Давид и принялся за дела.

Володя лицом не выдавал никакого волнения, но вот руки его фальшивили. Они дергаными рывками застегивали пуговицы на его рубашке. Последняя на воротнике, как это обычно бывает, давалась с трудом и была оторвана. Подсудимый глубоко вдохнул и встал у окна, уперев руки в бока. Слушание начиналось через час.

Для полноты картины существует нужда пояснить еще одно обстоятельство, имевшее место быть тремя часами ранее. Павел Сергеевич, казалось, выбил ногой дверь кабинета Романа и сходу затороторил, трясая свисающим подбородком:

– Ты что себе позволяешь? А? Ты совсем из ума выжил?! – Повышая тон и разгуливая из угла в угол, разверзлся Павел Сергеевич.

Прокурор сидел разбитый за столом.

– Чего ты разорался? Если это очередная твоя шуточка я

сегодня не в духе веселиться.

– Оно и видно! – Бросил Павел Сергеевич.

– Я весь во внимании. – Промолвил Роман Захарович.

– А о подробностях узнаешь по видеосвязи с руководством. – Произнес Павел Сергеевич и резко вынырнул из кабинета, оставив дверь открытой.

Вдаваться во все подробности той видеосвязи мы не будем. Кратко поясним, что младший сотрудник, ставший свидетелем коррумпированных действий со стороны капитана Боровикова и главного прокурора города S, «настучал», как это принято говорить в узких кругах, своему командиру батальона. Боровиков в это утро был уволен, а информация о прокуроре была донесена вышестоящему лицу. Роман Захарович был отстранен.

В зале суда собрались уже все участники слушания. Вне этого зала собрались протестующие с плакатами. Они требовали у власти дать срок за смерть их кумира. Заблаговременно до прихода суда пристав попросил всех встать. Володя теребил в кармане иконку Артемия Веркольского, но из-за замерзших рук это выходило неловко. Когда всем было позволено сесть, в зале прошел шум стульев и воцарила тишина. Железным тоном судьи, в лице которого выступала всё та же женщина, была произнесена вся необходимая информация о слушании и подсудимом. Володя вспотел бы еще сильнее, если бы это было возможно. Лицо прокурора было незнакомо ни Володе, ни его адвокату Григорию Александровичу. Он,

с тем ледяным спокойствием, которое дается человеку осознанием того, что он олицетворяет закон, изучал свои бумаги до тех пор, пока ему не было дано право выступить. По его речи можно было заключить, что он относится к подсудимому совершенно лояльно, не считая его злостным убийцей, но и не защищая его никоим образом. Тонкая грань была чётко соблюдена и наводила присяжных на смягчение приговора, но никак не на оправдание. Речь Григория Александровича началась убедительно, но предательским образом, нить, которую он держал крепко в руках, ускользнула и как всякий мечтатель потерпевший неудачу он начал импровизировать. Он обратил внимание на отсутствие судимости, на наличие детей, на абсолютно чистое прошлое, в котором нарушались лишь правила парковки, и то в силу неудобств устройства города S. Важным моментом в его речи было упоминание о том, что его клиенту о болезни пострадавшей было неизвестно. Также внимание слушателей было обращено на трагическую пропажу старшего сына подсудимого. Конец его речи был весьма почтителен его началу. Был допрошен главный свидетель, который находился в толпе зевак. Он подтвердил, что обвиняемый собственноручно дал две таблетки «Нимесулида» пострадавшей. Когда слово было дано подсудимому, Володя замешкался. Неисчислимый поток частично связанных фраз закружился в его сознании. Он чувствовал, что ему есть что сказать, но не мог сформулировать свой посыл и в последствие отказался. Прения длились недолго, все сторо-

ны были согласны и суд удалился из зала. Володя сидел до крайности уставший и мокрый. Человек, разгрузивший вагон угля лопатой в одиночку, чувствовал бы себя куда бодрее. Он ожидал своего пожизненного приговора. Повторный шум стульев прошел по залу, когда суд вернулся с решением. Озвучим:

«Подсудимый Прокудин Владимир Степанович 1970-ого года рождения обвиняется в совершении преступления, предусмотренным статьей номер сто девять уголовного кодекса РФ. В его действиях был обнаружен состав преступления, повлекший смерть пострадавшей. Вышеуказанной статьёй предусматриваются наказания от двух лет исправительных работ до тюремного заключения с аналогичным сроком. Судом присяжных были учтены все обстоятельства произошедшего. Присяжные единодушно проголосовали за смягчение приговора. Настоящим решением суда, подсудимый Прокудин Владимир Степанович, признается виновным в совершении преступления, повлекшим по неосторожности смерть одного пострадавшего. Мерой пресечения избираются обязательные исправительные работы сроком до двух лет. Приговор подлежит обжалованию в течение десяти рабочих дней и по их окончании вступает в силу»

В зале поднялся шум от шепота всех присутствующих.

Володя встал со стула и произнес:

– Ваша честь, ни о каком обжаловании речи быть не может, это еще мягкое наказание! – Всячески противился он

своему спасению от смертной казни.

Судья проигнорировала высказывание и удалилась из зала.

– Ну, тише, тише, – зашипел на него адвокат и взял его под руку, – идемте, нам надо торопиться пока новость не распространилась.

Они быстро шагали по коридору, в фойе их ждал Давид. Он натянул на голову Володи какую-то фуражку, прикрыв козырьком часть его лица. Они сопроводили его через парадный вход до машины Давида. Журналисты и бунтующие ничего не заподозрили. Так Володя покинул здание суда, довольный и счастливый он сидел на заднем сиденье. Все втроем они обговорили произошедшее в зале по пути до дома Володи. Дома их ждала Вероника, она встретила их беглым взглядом. Григорий Александрович попросил её войти в дом вместе с ними. Там она узнала о наказании, никак не отреагировав на него. Давид сообщил ей о начале поисковых операций в районе Александровского парка и назначил время их прибытия. Прямоком из дома Прокудиных он поехал в отделение. Он с задумчивым лицом вел машину и на одном из перекрестков резко повернул налево. Спустя несколько минут он припарковал свой автомобиль возле клуба, где недавно произошла потасовка с участием потерянных детей. О потасовке Давиду было неизвестно, он всего лишь знал, что вся молодежь проводит время здесь, и каждый из молодых людей города S хотя бы раз побывал в этом заведении.

На входе его чуть с ног не сбила толпа пьяных подростков. Играла все та же музыка, кажется, она вообще не меняется в этом заведении. Такими же неизменными были и постоянцы этого клуба. На том же диване сидели те же задиры. Давид своим профессиональным взглядом сразу вычислил по некоторым внешним данным будущих уголовников и подошел к тому дивану. Через толпу, дергающуюся в непонятном беспорядке, мы можем видеть, как следователь показывает две фотографии этим трем оболтусам. Они все поочередно отрицательно покачали головой, Давид немного осмотрелся по сторонам и покинул заведение. Добраться до отделения ему так и не удалось, хотя он сам и не знал, зачем он туда направлялся. По пути ему позвонил Степан и сообщил, что поисковый отряд уже на месте. Давида раздражала такая спешка, он был человек такого склада ума, которому хотелось все держать под своим контролем. Его выводили из себя любые процессы, протекающие самостоятельно или по причине участия в них третьих лиц. Своего напарника он ценил высоко, но сейчас позволил себе мысленно его выругать. Сам себе он ясно отдавал отчет, что все происходит правильно и как должно быть. В исходной точке начала поисковых походов был организован небольшой лагерь, состоявший из стола, на котором стоял большой термос, двух упаковок пластиковых стаканов и большой коробки чайных пакетиков. Из родственников потерянных явились только мать и отец мальчика, о бедной девочке позаботиться было некому – так се-

товали все участники поисковой группы. Организатор громко скомандовал всем прибывшим собраться у стола и выслушать инструктаж. На этом собрании были озвучены границы поиска на сегодняшний день. Толпа была поделена на равные группы, обеспеченна фонариками, лопатами, фотографиями детей и четко указанным маршрутом. В одном из отрядов участвовал мальчик лет десяти. Родителям некуда было его пристроить, и было решено взять его с собой. Его лицо было полно неописуемого интереса от происходящего, разыгравшейся фантазии можно было позавидовать, ведь происходило все как в тех детективных фильмах в телевизоре. Группы выдвинулись на поиски. Прокудиных определили в разные группы – по такому принципу организатор пытался добиться большего успеха от операции, если в нескольких группах будут участвовать люди, которые в лицо знают беглецов. У входа в парк собрались работники СМИ. Территория была отцеплена, а прогулки запрещены. Всюду стоял патруль. Поисковые мероприятия по плану должны были закончиться до темноты. Все её участники были осведомлены о том, что им необходимо вернуться в исходную точку ровно в половину шестого часа вечера. В группе, в которую была определена Вероника, участвовали в основном мужчины. В ней же и состоял тот мальчик и его мать. Она подхватила Веронику под руку и подбадривала её все время мероприятия. Группа, руководить которой было назначено Володе, состояла из мужчин лишь отчасти. Их отряд выдвинулся в юго-восточную

часть территории. Они шли долгое время, выкрикивая имена потерянных детей. Женщины почему-то были убеждены, что они ищут уже мертвых детей. По такому непонятному наитию они разгребали все залежи веток и прочие места, где, по их мнению, можно было спрятать труп. Пройдя еще примерно пятьдесят метров, они набрали на пруд, над которым проходил мост. Под мостом у его основания были две огромные сточные трубы, диаметром они были годные для прохода только в сидячей позе. Когда трое мужчин, идущие впереди всего отряда, в составе с Володей единодушно и молча, нырнули под мост к этим трубам, все женщины закрыли рты ладонями. Лица некоторых приняли плаксивые выражения. Сами искали труп, а как только набрали на действительно подходящее место, испугались. Володя дрожал от страха стоя перед трубой. Он был до крайности убежден, что именно там покоится его сын. Те двое мужчин, что спрыгнули вместе с ним, включили фонарики и полезли в правую трубу, Володе досталась левая. Они брели полу сидя в трубе очень долгое время. Слышимости между трубами было достаточно для переговоров, и они обменивались вопросами, не нашлось ли чего подозрительного. Чем глубже они заходили в трубу, тем сильнее хлюпала грязь под их ногами, в глубине трубы было теплее, и вода не замерзала до состояния льда. Мерзкий запах и крысы, спасающиеся бегством, играли на нервах Володи. Спустя несколько минут мужчины в обеих трубах дошли до тупика, внутри трубы была установлена ре-

шетка фильтрующая воду. Они обменялись информацией и заторопились наружу. Вылезая из труб, их ослепил дневной свет, они осмотрели друг друга, скинули со своих шапок и плеч ржавчину и тину. Группа двинулась дальше.

Отряд Вероники следовал северо-западным направлением. Они набрели на широкий овраг, в правой его части была куча веток, а рядом упавшее дерево. Ясно было видно, что там лежало еще что-то помимо веток. Вероника испуганно всхлипнула, женщина, сопровождающая ее, вцепилась в ее руку, а сынишку своего завела за спину, чтобы он ничего не видел. Мужчины разгребли кучу, под которой был обнаружен труп собаки. Несмотря на то, что это был не её сын, Вероника все равно продолжала плакать. Мужчины, испытывав легкий стресс от такой находки, пустили по рукам между собой фляжку с каким-то крепким спиртным напитком и продолжили поиски. Спустя длительное время обе группы встретились у исходной точки. Изрядно промерзшие, они принялись пить чай и обмениваться информацией. Поиски не дали никаких результатов. Организатор назначил повторное мероприятие в районе пригородного леса на завтрашний день. Толпа спокойно разбрелась в разные стороны, желтая лента была смотана обратно в рулон, а патрули окончили свое дежурство в этом районе.

В последующие дни город S был обклеен фотографиями пропавших подростков. Поисковые отряды увеличились по количеству участников, что в итоге давало возможность

охватить большие территории для поисков. Все каналы и новостные ленты трубили о поисковых операциях и о погибшей видеоблогерше, абсолютно всем приговор Володи казался слишком мягким. Новость о коррумпированных чиновниках пролетела по всем средствам массовой информации и затихла. Поиски не увенчались успехом и энтузиазм пропал. Отряды больше не организовывались, ясно было одно: потерявшиеся либо мертвы, либо вовсе покинули город. Люди, со свойственным им высокомерием, осуждали беглецов, каждый живой старается избегать смерти и осуждает тех, кто делает наоборот. Когда происходит что-то ужасное человеку необходимо кого-то в этом обвинить. По мнению одних в пропаже был виноват Роман Захарович, по мнению других – Володя, беспощадный убийца и уголовник. Прокудины продолжали существовать молча. Теперь это была не жизнь, а пустое существование.

Глава 5. Если симфония становится громче, значит пьеса на финальной стадии

И вот мы подошли к тому моменту, когда повествование переносится в настоящее время. Сейчас я сижу за рулем своего автомобиля. Откинув спинку сиденья, я предаюсь размышлению. Созерцание весенней поры вдохновляет меня как ноктюрны Шопена. Таяли последние сугробы, с крыш капала талая вода. Капля живет пока она летит, упав, она погибает. Испытываю сильное волнение перед предстоящим разоблачением. Скрывать от читателя правду до самого конца было неуважительно, но я до последнего не мог сознаться в том, что я являюсь тем самым Романом Захаровичем. Ладони мои взмокли, и голова идет кругом, но мне приятно это состояние. Исповедь как она есть на самом деле. Вероятнее всего на свете я подвергнусь сильным осуждениям, но поступить иначе я не мог. Как сказал Горький, есть два состояния: гниение и горение. Вот мое состояние это попытка гореть во время гниения. Когда уходит зима, она уносит с собой что-то от наших горестей. Все вокруг оживает, растения начинают вбирать в себя из земли все самое необходимое для жизни человека. Много можно еще сказать, но к чему упиваться своим словоблудием? Сублимация в чистом

виде как решение всех проблем едва ли может быть выходом, но я ощущаю, как из моих душевных ран вылетают полчища летучих мышей, в кишащем беспорядке они вырываются наружу. Тем самым разум мой перестает быть пещерой и освобождается для чего-то нового, чистого. Зигмунд Фрейд после прочтения книги Генриха Гейне ввел термин «сублимация» и описал его как один из защитных механизмов. Спустя столетия люди его используют в качестве отпущения своих грехов и вымещения всех проблем наружу. Таков человек, такова его природа. В этом мире не умеющий летать непременно должен тренироваться бегать. Помните, если вы идете на крайность ради достижения цели, поймите, что вселенная вам уже помогает, и нет надобности губить все вокруг себя. Когда человек начинает понимать, что границ в его жизни нет, он становится опасным и в то же время успешным. Если он изобрел то самое оружие в своем разуме его уже не остановить. Судьба – скажут многие, сам виноват – скажут те, кто полностью отрицает её существование. Время летит, но вы его пилот. “Das ist das Leben» – скажут немцы, «C'est la vie” – произнесет француз, «Это и есть жизнь» – шепотом обронит русский. У системы есть синоним – ненадежность. Она время от времени дает сбой. Когда я покидал здание, в котором трудился долгие годы, тогда я был счастлив, увидев солнце. Неужели оно светил весь год? Дорогой читатель, желаю тебе никогда не испытывать того, что тогда испытывал я.

Однажды я хотел узнать, что такое любовь. У каждого че-

ловека на этот вопрос найдутся свои ответы и вот мой. В один из памятных дней, я гулял с Оксаной, будучи тогда еще не в браке, мы много проводили времени вместе. Ели мороженое, шатаясь по городу без цели. В один из таких моментов она спросила «Почему ты всегда берешь себе только шоколадное?». Я пожал плечами и тогда она продолжила «Хочешь попробовать клубничное?». На что я ответил «Если ты поделишься, то с удовольствием». Её ответом было: «Я с тобой жизнь разделяю, а ты говоришь про какое-то мороженное, какие пустяки!». В рамках книги, которую я написал, я показал лишь одну из сторон этой медали. Нельзя забывать, что у нее есть еще и ребро. Прошлое это уже история, вершимая нашими собственными руками. Никогда не торопитесь с действиями и выводами, они придут к вам в самый неожиданный момент. Может быть уже поздно, но тем не менее. Ваши дети понесут бремя ваших ошибок с собой по жизни. Нужно сначала вкладывать в себя, а потом уже в них. Если вы будете пустые, то и дети ваши тоже. Думаю, не стоит упоминать в красках как этот город предпочитает меня не любить. Еще пара слов прежде, чем мы закончим. Володя приступил к исполнению своего наказания после новогодних праздников. Такие вопросы государство решает куда быстрее, чем налоговые вычеты. Он трудился усердно на благо города. Внутри него пылало чувство долга и ответственности. Виноват ли он в смерти той девушки или нет, он сам так и не понял. Его старший сын и моя дочь до сих пор числятся без

вести пропавшими. Город уже успел забыть о них, листовки с их юными лицами поблекли от суровой погоды на всех столбах города S. Меня до сих пор не покидает чувство, что моей бывшей жене известна их судьба и прежнее место жительства. Поэтому я дополнил свое изложение некоторыми моментами, которых знать наверняка я не мог, но и оставлять пробелы в картине моего рассказа было бы кощунством. Я не искал встречи, я знаю, как они все меня ненавидят. Считая это лишним, я грею внутри себя чувство того, что теперь у них все хорошо. По этим данным я составил себе твердое и ясное понятие – я отравлял их жизнь. Спорить со своим внутренним голосом глупо, ограничусь возражением на его доводы и повинуюсь самобичеванию. Вероника продолжала жить. Если только это можно было назвать жизнью. Мишка так и не оповестил их о своей судьбе. Из всей этой истории считаю эту женщину самой настоящей и ни в чем не повинной жертвой. Досталось горе ни за что. О своей бывшей жене мне есть что сказать, но едва ли я смогу это сформулировать. Я убежден, что она счастлива и открыла себе новую совершенно иную жизнь. Только сейчас я почувствовал ту ломающую боль в груди из-за её отсутствия. Она пожирает меня и поглощает все мое существо. После увольнения я распродал все предметы роскоши, а точнее машину и шикарную квартиру. Отныне мне запрещено занимать какие-либо государственные посты. Чем я стал зарабатывать на жизнь? Я сел за руль такси, в котором, кстати, сейчас и нахожусь. Водитель-

ские права остались при мне, ведь материал на меня не был составлен той ночью, о которой, надеюсь, читатель еще не забыл. Теперь этот маленький документ стал моим рабочим инструментом, как и этот желтый автомобиль.

Горящий и сломанный этот мир, кусающий и ревуший, но все же напоминающий нам о том, что мы всего лишь люди. Нам свойственно ошибаться, нам свойственно делать другим больно. Моя роковая ошибка была в твердом осознании того, что я знаю этот безумный мир. Я наивно полагал, что мне известно все и наперед, что я вижу всех насквозь. Сейчас же я могу сказать, что необходимо быть человеком добрым и отзывчивым. Любить себя и все вокруг. Слушать своих близких, поступать благоразумно и согласно со своим внутренним голосом. И это всё, что я знаю.